

Грамин Андрей

Суженый
смерти

Андрей Грамин
Суженый смерти

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Грамин А. И.

Суженый смерти / А. И. Грамин — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Александр - солдат Иностранного легиона, вернувшийся на родину, где его никто не ждет. В городе происходит серия мистических убийств, полиция не может найти преступника, а в народе ходят слухи об оборотнях. Неожиданная встреча с красивой, но странной девушкой наталкивает героя на мысли, что она напрямую причастна ко всему происходящему, слишком мало в ней от обычного человека. Эта встреча погружает героя в цепь пугающих и опасных приключений, по итогам которых он сложит голову или обретет долгожданное счастье. И ведь угораздило же влюбиться в самую смерть!

© Грамин А. И., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Пролог	5
1. Возвращение.	12
2. Загадочное дело	27
3. Леся	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пролог

Юг Российской Империи. Начало XIX-го века

Прорезая густой сад, залитый гудением шмелей и солнечным утренним светом, катил свои быстрые воды неширокий, но глубокий ручей, дно которого было усеяно галькой и песком. Ниже по течению, где в незапамятные времена природа вырыла заводь, тихо поскрипывая, крутилось колесо водяной мельницы, с плеском разрезая воду. Мельница пустовала уже третий год, сад, за которым раньше ухаживал старый мельник, начинал дичать, но от этого стал только прекраснее. Посреди сада, под сенью двух раскидистых яблонь, стоял небольшой белый кирпичный домик с черепичной крышей темно-карминного цвета. Само по себе явление кирпичного дома, когда весь юг был построен из самана, и тем более имеющего черепицу вместо соломы, было поистине уникально. Этот дом принадлежал раньше мельнику, который был весьма богатым человеком, и стремился если что-то и делать, то делать на века... Вот и его дом пережил своего хозяина, обещая простоять в этом красивом уголке природы еще не один десяток лет. Но дом не пустовал, несмотря на потерю своего хозяина. Ставни были открыты, на пороге лежала бандура, видимо оставленная кем-то без внимания всего на пару минут, а рядом с бандурой стояла крынка с холодной арбузной брагой. Ефим лег всего полчаса назад, сразу после рассвета, мгновенно погрузившись в сон. Марьи дома уже не было, она, как обычно исчезла до рассвета, бросив свое «Люблю» в сочетании с горячим поцелуем.

Ефима еще ребенком вывезли из Украины на чумацкой телеге в компании старой макитры, ступы и бочки с одеждой (именно бочки, так как что такое сундук его опекун дядя Грицко не знал). Помимо вышеперечисленного в телеге поместились ручная пицать, пика, большой отрез холстины, две крынки, деревянное блюдо, котелок, черпак, новый топор, клещи, стамеска, и горшок с родной украинской землей. Нож и две деревянные ложки лежали затерянные где-то в этом нехитром скарбе. Телегу вез Саврас, конь дяди Грицко, а позади плелся жеребенок по кличке Сидор, который в будущем должен был стать настоящим казачьим конем, верным другом и боевым товарищем Ефима. С тех пор прошло уже много весен, дядя Грицко вот уже семь лет как лежал головой на восток на стареньком погосте, так и не удостоившись чести помереть в бою, тихо скончавшись от старости на крыльце своего дома, а Ефим, войдя в самый рассвет сил, впервые в жизни полюбил. Молодой чернобровый казак горел изнутри самой горячей любовью, на какую только был способен. Его сердце выбрало зеленоглазую и черноволосую Марью, в которой загадок было больше чем ответов.

Он повстречал ее на лугу, где валялся в стогу свежескошенного сена, одержимый дремотой в теплую майскую ночь. Сладкий запах сена дурманил и пьянил, звезды, казалось, можно было черпать горстями, а яркий месяц серебрил высокие травы, кипы деревьев и широкую полосу реки, раскинувшейся внизу. Вода уже набрала необычайную силу, и река стремительно катила свои воды, поглощая и поглощая новые отрезки заливных лугов. Берег, на котором отдыхал Ефим, был высок и никогда не подвергался вешним нападкам стихии, отчего именно по эту сторону издавна и селились люди, избегая строить жильё на пологом правом берегу. Его дремоту нарушил шорох травы, резкое утробное подвывание и рык, раздающийся сразу из нескольких мест округи. Ефим никогда не был трусом, но его обуял самый настоящий страх, который парализовал и заставил почти прерваться его дыхание. Одно, когда ты имеешь дело с врагом в человеческом образе, но совсем другое связываться с нечистью, с которой, как известно и в чистом поле не справиться, кроме, как только с хоругвью, четверговой солью, да святой водой. Шорох доносился все ближе и ближе, явственно слышалось непонятное рычание, вой и скулеж. Не было сомнения, на лугу происходило нечто из ряда вон выхо-

дящее. Ефим понемногу превозмог свой страх, перевернулся на живот, зарылся в сено и разгреб себе руками окошко, намереваясь увидеть все происходящее. Первое, что он заметил, это был силуэт девушки в длинном белом платье с распущенными черными пышными волосами, которая стояла посреди луга. Она делала непонятные движения руками, а к ее ногам по одному собирались волки, и ложились на животы, словно ожидая команды. Через несколько минут вокруг нее скопилось множество хищников, вой и скулеж прекратился как по волшебству, волки лежали смиренно. Девушка что-то негромко и протяжно сказала, будто бы даже в рифму, кинула маленькое зеркальце в сторону леса, и волки разбежались так же внезапно, как и появились. Девушка склонилась к земле, оперевшись на одно колено, простояла так в течение пары минут и поднялась на ноги. Ее взгляд перенесся вправо, в сторону стога и Ефим похолодел. Она убрала волосы, под ярким светом месяца казак разглядел прекрасное белое личико, пухлые губы и горящие зеленые глаза, при виде которых по спине у парня побежали мурашки. Он хотел перекреститься, но лежал словно парализованный, дыхание остановилось в груди, сердце упало и перестало стучать. Так длилось всего мгновение, которое показалось вечностью. Девушка подошла к стогу, до которого ей было идти всего десяток саженей, и встала как раз напротив места, где лежал Ефим.

– Выходи, – голос был томен, чуть хриловат и глубок. Это был приказ.

Ефим собрался с духом, и, превозмогая дрожь в ногах, вылез из стога. Он встал перед девушкой, прямо смотря в ее глаза.

– Ты все видел, я не отпущу уже тебя, – сказала она просто, в голосе не было угрозы, но она была в словах.

– Делай как хочешь... – он заворожено смотрел на девушку, восхищаясь ее красотой и прислушиваясь к своему рвущемуся из груди сердцу. Страх исчез совершенно, он уступил место зачарованному спокойствию духа в сочетании с мятежным буйством мыслей в голове.

Она внимательно смотрела на него, изучая, а он в свою очередь во все глаза уставился на нее. То, что перед ним не обычная смертная, он понял сразу, как только увидел действие с волками. А вблизи, при виде ее горящих глаз, осознал, что бороться бесполезно, потому как с нечистой силой шутки плохи, и при нем не было ни шашки, ни пики, ни даже ногойки. Немой разговор глазами длился пару секунд, после чего он сказал:

– Дашь помолиться напоследок?

Она молчала, продолжая его изучать.

– Ты специально подглядывал? Из любопытства?

– Нет. Я спал здесь, меня разбудили волки. Ну, я и притаился, чтобы не загрызли.

– Дай руку.

Он послушно протянул ей ладонь. Она сжала ее, продолжая смотреть ему в глаза, и почти сразу отпустила.

– Не врешь.

– И не думал, – он гордо поднял голову.

– Живи. Но молчи обо всем, – произнесла она и исчезла.

И с тех пор Ефим потерял покой. Он не мог нормально есть, не мог спать, он не мог думать ни о чем кроме незнакомки. Дома все валилось из рук, жена и трое сыновей не могли понять, что творилось с их мужем и отцом. Он ходил каждый день в церковь, пил святую воду, усердно молился... Но ничего не помогало. Он тогда еще не знал, что это не колдовство и молитвы здесь бессильны. Просто он полюбил, полюбил незнакомку, которая всего за пять минут перевернула весь его мир и обычную жизнь. Такая маета продолжалась полгода. Наступил конец ноября, выпал первый снег, который лег и на волосы Ефима, – от переживаний у того поседел виски. С женой он уже месяц как не разговаривал, делая вид, что ее не замечает, сыновья не видели от него ласки... Он и сам понимал, в какое бездушное животное превратился, но не мог ничего поделать с собой. Он начал ходить ночью по лесам, отсыпаясь днем,

он звал ту девушку, но ответа так и не последовало. Казак похудел и стал почти прозрачен, лоб избородили морщины горя, он уже не хотел жить. Так продолжалось до конца декабря. Последней каплей стал сон, в котором он увидел ту незнакомку. Во сне он звал ее, тянул к ней руки, но она не откликнулась на его мольбы. Проснувшись утром, он ощутил полное спокойствие и отрешенность ото всего. Он с улыбкой погладил сыновей, поцеловал с теплотой жену, оделся потеплее и пошел в церковь на молебен, после чего продал на рынке новые сапоги, а эти деньги пропил в шинке, откуда вышел, покачиваясь, уже в одиннадцатом часу вечера. Ноги сами привели на луг, где в минувшем мае произошла единственная встреча с девушкой. Казаку, как православному человеку не пристало брать на себя смертный грех самоубийства, поэтому он выбрал другой способ прекратить свои муки – замерзнуть насмерть. Все видели как он пил в шинке до потери равновесия, жена подтвердит, что в этот день он был в хорошем настроении, наконец, его постоянные визиты в церковь не дадут говорить о нем как о проклятом грешнике. И люди, найдя его тело, конечно же поймут что он замерз по пьяни, видимо, заблудившись в снегах.

Ефим сел в сугроб, подоткнул под себя тулуп, набил табаком люльку и не спеша, с наслаждением раскурил ее, прощаясь с белым светом и думая о незнакомке. Через час он незаметно впал в дремоту, радостно думая, что уже не проснется. Пришел сон. Ему показалось, что он длился вечно, это было что-то светлое, яркое и незабываемое, но сон был прерван. Что-то с силой подняло Ефима на ноги и потащило куда-то в сторону. Пришел в себя он уже на кровати в незнакомом доме, горела лучина, сухо трещали поленья в печке. Ефим повернул голову и увидел незнакомку, которую так долго искал. Он хотел что-то сказать, но в горле сперло дыхание и он лишь хрипло закашлял, выпучив глаза.

– Казак, казак... – произнесла девушка. – Что за горе притаилось в твоём сердце? Ты постарел лет на десять со дня нашей встречи.

– Где я?

– Ты у меня дома. Это я тебя вытащила из сугроба, где ты почти замерз. И не благодари, – она подняла руку, видя, что он хочет что-то сказать.

– И не думал. Нужно меня было там оставить... – он горестно вздохнул.

Лицо девушки выразило удивление.

– Ты хочешь умереть?

– Да.

– Почему? – она внимательно посмотрела на него.

– Я не знаю, что ты сделала со мной, ведьма, но я уже долгие семь месяцев не могу ни есть, ни спать, ни жить. Я помешался на тебе... У меня жена и трое сыновей, но они мне не милы... Я только и думаю что о тебе. Не мучь меня, лучше убей, ты же можешь, я знаю.

Она посмотрела на него другими глазами, и Ефим прочитал в них сожаление.

– Я не делала с тобой ничего, наверное, ты просто полюбил меня... Я могу приворожить любого, но тебя я не привораживала. Так ты не можешь жить, говоришь?

– Без тебя не могу. Я мучаюсь.

– Оставайся жить у меня, раз не можешь и не хочешь уходить. Мне не нужны лишние смерти на моей совести... – она как-то странно улыбнулась.

И он остался. Так прошло полтора года, они жили в брошенном домике мельника. Ефим снова изменился, теперь уже в лучшую сторону, набрал в весе, морщины на его лице потеряли свою глубину, и в глазах появилась радость. Марья тоже оттаяла, как январский сугроб под ярким солнцем, и вот уже как полгода они наслаждались счастьем. Его любовь заразила и ее, и хотя говорят что от любви любви не ищут, здесь было самое что ни есть редкое исключение из правил. Хотя, Марья и не отдавала себе отчета в глубине своих чувств, она все же понимала, что дышит по отношению к Ефиму не ровно.

И вот в то яркое и по-детски волшебное летнее утро, она, кинув по привычке «Люблю» и, добавив к этому слову поцелуй, исчезла до рассвета. Она делала так всегда. Ефим ни разу не видел ее при свете солнца. Понимал ли он, кто она есть? Несомненно, догадывался, но отодвигал все свои мысли на задний план, чтобы они не мешали счастью. Кто бы она ни была, для него она оставалась любимой, ради которой он продал бы душу, если бы пришлось. И больше его ничего не волновало. Он не вспоминал о жене, не вспоминал о детях, он жил в домике посреди сада и хотел лишь одного – чтобы ему была дарована как Агасферу вечная жизнь, дабы провести ее с любимой вдвоем.

Сон Ефима прервал резкий шум. Он уже почти забыл, что где-то на свете есть другие люди, потому как уже больше года не видел ни одной живой души. Мельница находилась вдалеке от дорог, до города было около пяти верст, до ближайшей станицы ровно столько же, и на берег быстрого ручья после смерти мельника (которого по традиции считали колдуном), уже никто не заглядывал. Конечно, в старину все мельники считались колдунами, они были слишком зажиточными и свободными людьми, не ровня остальным, и людей смущало богатство и уединение. Но бывший хозяин этого сада считался, чуть ли не самым отъявленным, особенно после того, как старый казак Бондарь видел собственными глазами (после визита в шинок, конечно же): в лунную ночь с мельничного колеса черти прыгали в воду, как с трамплина. Было ли так на самом деле, или Бондарь донельзя залил свои очи горилкой, или мельник попросил рассказать такое о себе, чтобы отвадить от мельницы любопытных, но к мельнику ходили только по делу и в случае крайней необходимости. Теперь же, после смерти старика, дорожка через сад и вовсе заросла люцерной и боярышником. И вот, резкий шум и говор многих людей заставил Ефима встрепенуться на кровати. Он подошел к окну и сквозь занавески увидел большое скопище мужиков и баб, вооруженных кто чем – от пик и шашек до вил и рогатин. Раздались крики: «здесь он!» и «выходи, вурдалак!». Ефим был не робкого десятка, но неожиданность момента ввела его в ступор. Он не шевелился, глядя через тонкую ткань на народную ярость.

Дверь слетела с петель, в дом ворвались четверо дюжих мужиков, и налетели на Ефима, скрутив его в мгновение ока.

– Эй, вы чего? – только и смог сказать он.

– Сейчас узнаешь, – многообещающе пробасил один над ухом.

Его выволокли на порог и толпа заревела.

– Он, он!!! – раздались ото всюду крики.

– Жги упыря! – заорал кто-то, и несколько голосов подхватило этот крик.

– Что происходит, народ честной? – закричал Ефим, у которого началась паника от обещанной расправы.

– Он еще спрашивает! – заорала, подбоченясь, дородная баба в цветастом переднике. – Кто Зозуле горло порвал и объел всего?

– И Скрытника на части порвал? – добавила другая.

– И Дуду? – подхватила третья.

– О чем вы? – Ефим выпучил глаза на людей.

– Да о том, – сказал один казак, который вязал веревки на руках Ефима. – Мы знаем кто ты.

– Я живу здесь вот уже полтора года, и за все это время не отходил от дома дальше, чем на пару верст.

– Знаем мы эти штуки... – закричал кто-то. – Из петли вывернется, лишь бы жизнь ему оставили.

– Да я православный, простой я! Я не знаю за кого вы меня приняли, – Ефим вложил в эти слова всю убедительность, на которую был способен.

– Врешь! – заорала все та же дородная баба. Ее крик сразу же подхватило несколько глоток.

– Да будь я нечистым, разве ж я смог бы под солнцем стоять? Дайте мне воды святой выпить, дайте я крестное знамение совершу! Сами убедитесь.

Народ поутих, начиная убеждаться, что перед ними обычный казак.

– А что ж ты здесь живешь, раз место проклятое? – заорал кто-то.

– Да, да! – подтвердило насколько голосов.

– Не местный я, пришел сюда полтора года назад.

– И откуда ж ты?

– Я не помню. Помню, чуть не замерз в сугробе, а потом набрел на этот дом, и остался здесь жить, – Ефим был готов на то, чтоб его четвертовали, но он ни словом не сказал бы о Марье. В принципе, он не солгал, его семья осталась верстах в пятидесяти от этого места, и он почти уже ничего не помнил о своей прошлой жизни.

– Что за сказки? – заголосила опять дородная баба, которой, видимо, очень хотелось крови. – Не помнит он!

– Да развяжите же мне руки, я перекрещусь! – заорал в ответ Ефим.

– Не развязывайте, – закричал сухонький старый мужичок. – Вы его спящего взяли, а так бы и вдесятером не осилили. Перебьет он нас, даром что вурдалак.

Народ опять зашептался, угрожающе зашумел и зароптал. Все было очевидно для Ефима – кто-то убил троих, разорвав на части, но диких зверей отчего-то никто в расчет не брал. Никто не хотел подозревать местных жителей, а вот незнакомец без рода и племени, живущий в «проклятом» месте был самой, что ни есть, подходящей кандидатурой на роль нечистого духа.

– Ну, полейте меня водой святой, чеснок дайте съесть! – не унимался Ефим. – Вы ж невинного губите!

– А ну! – протиснулся вперед один здоровый парень. Он держал в руках тыквенный бутыль, который откупорил на ходу, и с размаху плеснул содержимым на Ефима. Народ замолк в одно мгновение, ожидая чего-то из ряда вон выходящего, но ничего не произошло. Ефим как стоял, так и остался стоять, слизывая с губ святую воду.

– Ишь ты! – раздался одобрителный бас из толпы. – И впрямь человек.

– Да, человек, – подтвердил парень, плеснувший из бутылки. – У меня там крещенская вода была. Будь он вурдалак, ему бы несдобровать от нее.

– Крестное знамение пусть совершит! – заорала все та же толстая баба.

– Сейчас, – сказал за спиной Ефима дюжий казак, развязывая ему руки.

Ефим с готовностью трижды перекрестился, произнес символ веры. Народ зашумел и, перекрывая гул, раздался бас.

– Что ж это делается, православного сжечь хотят! – пробасил здоровенный дядька, который был на голову выше всех остальных. – А ну дай его сюда, – он решительно направился к Ефиму, сгреб того в охапку и поставил с крыльца на землю.

Толпа закивала, но все та же баба с прищуром поглядела на Ефима.

– А ежели это не упырь, а колдун! – закричала она. – Они и оборачиваться могут, то лисой, а то и волком!

– Да как же это колдун, он крестное знамение совершил! – заорал спаситель Ефима на бабу. – Вам бы, чертово племя, лишь бы казака извести. Тьфу, проклятая!

– А ты кузнец не плюйся, – загорланила подруга бабы, тощая дылда в цветастом переднике. – Ишь как начал, бобыль старый. Помнишь Ксаверия, мельника? Так тот и на заутреню ходил, и на вечерню, а одно колдун был, людей из могилы поднимал, да скотину у меня свел всю.

– То-то же! – подтвердила дородная баба, и вместе с ней еще несколько товарок закивали головами.

– Да, Ксаверий-то колдун был, – согласился кузнец, нехотя. – Он моему отцу ногу вылечил заговорами да травами... Дык он-то людям помогал! Он, значит, хороший колдун был!

– Да едины они все, – заголосили насколько баб.

– Он волком оборачивался, Бондарь старый сам это видел, – заорал какой-то мужик.

– Бондарь глаза с утра заливал так, что жену родную не узнавал, – загремел кузнец.

– Едино не верьте ему! – заорала баба в цветастом переднике. – Чего ж он на проклятой мельнице живет, коли честный да православный?

– Да не знаю я, какая это мельница! – закричал Ефим, как только возникла возможность вставить слово в диалог кузнеца со склочной бабищей. – Не местный я, еще раз говорю...

Ему не дал закончить фразу камень, угодивший точно в лоб. Кто кинул тот камень, не так уж и важно, но это был только первый вестник в череде ужасающих событий. Народ увидел кровь, и хоть Ефим остался стоять на ногах, ярость толпы было уже не остановить. Кто-то кинул второй камень, казаки из-за спины Ефима поспешили ретироваться, чтобы их не зацепило. И понеслось. Некоторые ужаснутся, читая эти строки, думая, что больной полет фантазии автора сделал из обычного населения рядовой станицы кровавых палачей... Что ж, пусть искренне верят, считая людей по своей природе агнцами, я разубеждать не берусь. Каждый отдельно взятый человек, конечно не чужд благородных мыслей и поступков, но когда образуется коалиция, собранная из сотни глоток, жаждущих увидеть расправу над тем, кого они заранее осудили и вынесли приговор, это страшная сила, не знающая, ни жалости, ни сострадания. Толпа. Более точного определения подобной серой массе еще никто не дал. Такие вот толпы в прошлом веке охотились с собаками в Английских колониях на беглых каторжан и негров; такие толпы жгли евреев, по сути виновных только в своем рождении на свет и совершении других обрядов веры. Такие же толпы вешали красивых женщин, называя их ведьмами, такие толпы топили незаконнорожденных детей, такие толпы сажали на кол пленных казаков в Речи Посполитой... Эта животная ярость, пробуждаемая видом крови и ощущением многометрового превосходства над жертвой, эта жестокость, которая в любом коллективе истари проявлялась по отношению к слабому, это недовольство жизнью, со злостью выплескиваемое в адрес случайной жертвы, вызывает презрение и негодование у любого адекватного человека. Но факты остаются фактами. Сколько бы веков не насчитывала история человечества, и в какие бы элегантные костюмы и благородные манеры не обряжалась скотская суть, она, тем не менее, все еще пробуждается (да и будет пробуждаться) пока есть понятие толпы.

Единственный кто ушел оттуда был кузнец. Он схватился за голову при первых же засветивших в воздухе камнях, прекрасно понимая, что ничем не может помочь несчастному, кроме как поставить свечу за упокой. Не разбирая дороги, он шел к себе домой, мотая укоризненно головой и бормоча сквозь зубы ругательства. Человек ужаснулся всему произошедшему, но не мог ничего поделать. Он прекрасно понимал, убивают невинного.

Ярость толпы прошла так же неожиданно, как и началась, но всего за пару минут из молодого цветущего казака эта мерзкая стихия сделала бесформенный куль набитый костями. В ход пошли помимо камней еще и вилы, рогатины, ноги, поленья, и даже ногайки. Лишь пятеро или шестеро не приняли участия в расправе, но не из великодушия, а только потому, что не смогли приблизиться к жертве для нанесения решающего удара. Ефим еще силился дышать, но это была предсмертная агония. Народ тупо стоял, уставившись на содеянное, коря себя за жестокость, кто-то крестился, кто-то молился. Но долго раскаиваться никому не пришлось. Небо резко потемнело, сменив цвет с лазорево-голубого на ультрамарин, и подул северный холодный ветер, заставивший смолкнуть птиц и улетучиться шмелей. Природа в мгновение ока погрузилась в сон, солнце скрылось во тьме неведь откуда появившихся туч, ветер набрал обороты, загудел и завыл в кронах деревьев, тут же развил чудовищную силу. С деревьев слетела листва, трава скукожилась и поменяла свой цвет на желто-песочный. Толпа предалась панике, но ноги людей как будто приросли к тому месту, на котором стояли. Температура окружающего воз-

духа резко пошла на спад, изо рта людей валил пар, они кричали, ругались, молились и ревели, но толку не было никакого. Пошел первый снег, крупный, частый, обильный, холод усилился, и крепчающий мороз потихоньку сковывал ручей. Толпа мерзла, людей пробрал кашель, хрип-лая ругань становилась все тише. Кто-то уже потерял сознание, кто-то крупно дрожал, а кто-то валился мешком на снег, не в силах устоять на ногах под порывами сильного ветра. Замела вьюга, видимость снизилась донельзя, когда люди заметили слабое свечение со стороны леса, простирающегося за садом. По ужасающе быстро наметенным сугробам, едва касаясь снега, шла красивая девушка в белом платье, с распущенными черными волосами, в руках у нее был серп, на плече сидел ворон, а у ног, ласкаясь, шел огромный черный волк. Вокруг нее воздух становился спокойным, вьюга переставала мести, и ни один волосок не шевелился под порывами ветра. Девушка подходила все ближе и ближе, люди видели неопишимо-свиное выражение ее красивейшего лица, зеленый огонь глаз, и губы, крепко сжатые в жестокой усмешке. Она подошла к толпе всего на несколько шагов, окинула взглядом поле расправы, отыскала торчавшую из-под снега сломанную руку, которая раньше так любила ее ласкать, и одинокая слеза прокатилась по щеке. И на этом все человеческое, что будил в ней Ефим, оборвалось, резко и бесповоротно. Она подошла еще ближе и взяла за руку одного мужика. На минуту ее глаза закрылись, лицо несколько раз сменило свое выражение, словно перед ее глазами промелькнули все предшествующие события, а потом она страшно зарычала, вложив в этот рык все свои эмоции. Мужчина, которого она держала, умер в страхе, от разрыва сердца, и ему еще очень повезло.

– Вы все умрете, – сказала она спокойно. – Я никого не пощажу...

– За что? – прохрипела жалостливо та самая боевая баба, так жаждавшая расправы над Ефимом.

– А вот и ты, голубушка... – Марья страшно осклабилась, и вместо ответа разорвала той руками лицо до черепа, оставив истекать кровью.

– Вы убили невинного, – сказала она громко, и свистнула.

По всей округе послышался далекий вой, который приближался и приближался, и вскоре между деревьями замелькали серые пятна волчьих стай. Прошло немного времени, и все было кончено. Снег стал красным, местами появились проталины от теплой крови, и кого не убил мороз, того порвали волки...

Марья постояла еще немного, и одиноко пошла по снегам прочь. Потом остановилась, развернулась, подошла к мертвому Ефиму, наклонилась, разгребла снег, и сняла у него с шеи медальон, который подарила после первой ночи, проведенной вместе. Она с грустью посмотрела на изумрудную снежинку на нетолстой цепочке, обронила одинокую слезу, и исчезла. Ночью к кузнецу в дом постучали. Он открыл дверь, коротко с кем-то переговорил и наутро пошел со священником хоронить Ефима. Взамен этой услуги Марья излечила его от бесплодия.

1. Возвращение.

Наше время

За окном мелькали фонари, утопая в свежести апрельской зелени.

Город изменился до неузнаваемости за те годы, что Александр мотался по свету. Полузабытые, родные улицы и подворотни часто снились по ночам; так же, во снах приходили знакомые лица друзей и подруг ушедшего детства и юности. Но с годами сны потеряли краски, знакомые теплые оттенки, и лишь когда снилась первая любовь, он даже по окончанию сна чувствовал на губах вкус ее помады и запах сандала от ее волос. Только она была еще ярка в его памяти. Оноре де Бальзак сказал по этому поводу точно: «По своей силе с первой любовью мужчины может сравниться только последняя любовь женщины»... Но эта любовь давно ушла, от нее осталась лишь нежность и память о том беззаботном времени.

Самолет приземлился всего шесть часов назад, и как только его шасси коснулись взлетно-посадочной полосы, Александр Свечкин понял, что он дома. Дом являлся таковым только номинально. Вся ирония заключалась в одном обстоятельстве – в этом городе, где он некогда появился на свет, его никто не ждал, ему не к кому было возвратиться, и единственным местом, где он мог увидеть знакомые лица, было лишь кладбище с фотографиями на памятниках. Он сам когда-то сделал выбор, и этот выбор был обоснованным... Через неделю ему исполняется тридцать лет, и у него никогда не было семьи. В России он не был девять с половиной лет...

За окном мелькнул знакомый дом, в котором когда-то жил его друг, Вовка, и память вернула Александра назад, в пору его юности. Родители разбились, едва ему исполнилось пятнадцать, горе от переживаний он утопил в водке. Добраться до наркотиков не дала Мила, его девушка. Только одна она и вытянула его из омута. Он любил ее сильнее всего на свете. Когда-то. Слез Александр не показывал никому, хотя они и были. Только юность позволила не сойти с ума от горя, всеобъемлющего и страшного. Это и есть ее преимущество. Именно в необходимом эгоизме, что в будущем перекрывается жизненным опытом, под который так легко упрятать нарастающий с годами цинизм. Тогда Саша забылся на полгода. На полгода он почти выпал из этой жизни, и из школы за прогулы его не выкинули лишь благодаря матери Милы, занимающей довольно высокий пост в городском комитете по образованию. Мила, ночные компании, драки, возлияния и беспорядочные знакомства сделали тогда тоже, что могла дать квалифицированная помощь психолога – позволили смириться с потерей. Но это давно прошло.

Воспоминания давались с трудом. Тогда он был мальчишка, сейчас он мужчина, переживший многое и видевший столько, что некоторым хватило бы на всю жизнь просыпаться по ночам от страха. После смерти родителей, опекуном Александра стал дядя. Он был хорошим мужиком, по большей части, но жизнь обозлила его и вся эта злость требовала выхода. Выход был в водке. Традиционным алкоголиком опекун Саши не был, но пил часто, по многу, и водка всегда пробуждала в нем агрессию. Бывший инструктор рукопашного боя, воевавший в Афганистане, дядя Александра был крепким и сильным мужиком, который умел драться, и хуже того, любил это дело. Поэтому Саша часто выходил из дому с синим лицом. Соседи ни о чем не спрашивали, участковый боялся влезать в это дело, и справиться с положением Свечкин мог только в одиночку. Он и справился...

В бокс Саша пришел, когда ему стукнуло девять лет, к пятнадцати он был кандидатом в мастера спорта. Занять это звание позволила победа на чемпионате России для юниоров. С гибелью родителей со спортом он завязал, не хватило силы воли продолжить тренировки, да и смотреть после перерыва в глаза тренеру, давшему Саше все в спорте, было сложнее, чем проглотить горящую головню... Но в память о спорте осталось умение постоять за себя, и

Саша как мог старался всем это доказать. Поэтому-то поединки с дядей не выглядели простым избиением подростка, это были настоящие бои. Дяде доставалось немного, он всегда укладывал племянника буквально за минуту; все-таки армейский рукопашный бой несколько другая культура в спорте. Но племянник учился, учился потом и кровью на своих ошибках. Уже через четыре месяца после появления в жизни Саши дяди, один из боев закончился для Свечкина-старшего переломом трех ребер и челюсти. В больницу бывший десантник не пошел, зализал раны дома, но к племяннику он проникся неподдельным уважением. Так началось обучение Саши основам рукопашного боя. Дядя забыл о водке, а племянник вышел из состояния суицидальной депрессии, в котором находился полгода со смерти родителей. В жизни все потихоньку встало на свои места.

С Милой они хотели пожениться, как только Саша вернется из армии. Немного не спрелось. Она его не дождалась. Таких историй миллионы, – как обычно твой «лучший» друг, твоя «верная» девушка и письмо в три строчки. И все. Это произошло на середине второго года службы. Если бы Александр служил в обычной части, он, быть может, и начал бы тосковать, выть по ночам или пытаться что-то сделать с собой. Но Саша воевал в Чечне, и этого не произошло. Именно на войне он начал ценить жизнь, только когда увидел море крови и застал смерти товарищей.... Нет, он не хочет вспоминать об этом периоде. Слишком больно за проданную страну и преданных пацанов, оставшихся лежать там по чьему-то мановению руки. Лежать на чужой земле, отдав свою жизнь за финансовые интересы «великих».

По окончании службы в армии, по завершению второй чеченской войны, Саша вернулся домой. Дядя окончательно спился, и жить с ним под одной крышей не представлялось возможным. Они бы убили друг друга.... Именно тогда, увидев, во что превращает водка людей, Саша бросил пить. Совсем, навсегда, бесповоротно. Он не пил уже десять лет. Куда ему было идти? Работать охранником на рынок, или в милицию за копейки? Нет уж. Саша выбрал другое. Он связался с несостоявшейся тещей, матерью Милы, которая очень хорошо к нему относилась, и с ее помощью получил визу на поездку во Францию. Цель была одна – вступить во Французский Иностраннный Легион, овеянный легендами и ореолом тайны. Авантюрная жилка всегда была присуща Александру, к тому же, раз он уже проливал свою кровь за бесплатно, воюя на чужой и не нужной ему земле, почему бы не делать тоже самое, но за неплохие деньги? Идти-то все равно больше некуда. Александр убежал от себя, от той жизни, которая маячила на горизонте. Он ушел от прошлого, и это было необходимо в тот момент.

Дальше память показывала слайдами Париж, затем Марсель, Обань и наконец, Кальви на юге Корсики, где Александр служил во втором парашютно-десантном полку. У него уже было другое имя, другая легенда и другой язык. У него была другая родина. Он стал наемником. Девять лет непростой службы. Если кто-нибудь считает, что Иностраннный легион это просто, то он не знает о нем ничего. За девять лет Александр был во многих горячих точках планеты, начиная с Косово и заканчивая Афганистаном. Тяжелее всего пришлось в Кот-д'Ивуаре, где в Дуэкуэ они вели бои за аэропорт Мэн. Там Александр был ранен впервые. Это позволило в будущем получить подданство Франции. Всего ранений было три. Тонкий шрам от ножа, проходящий через всю правую щеку, он заработал не на войне, а в уличной драке. Корсиканцы горячий народ, и это простая истина. За этот порез человек расплатился по-полной, но оставил память на всю жизнь....

Теперь у Александра Свечкина было другое имя. Его звали Анри Дю Труа. Он был подданным Французской республики, хотя в России, с его уголовным лицом, мало кто признал бы в нем типичного француза. Теперь он вернулся домой, вернулся обеспеченным, по российским меркам, человеком, вернулся, наверное, навсегда. Он просто устал мотаться по миру, его уже не хватало на это. Александр хотел свободы. Анри он будет зваться там, в Париже. Здесь он просто Саша, обычный русский мужик, пусть даже знающий пять языков и имеющий навыки идеального убийцы, которого учили этому последние пятнадцать лет, сначала дядя,

потом родная армия, а уж после иностранные инструктора, лучшие в Евросоюзе. Как он выглядел? Хорошо он выглядел, и эта мысль даже вызвала улыбку на лице. Не так ли он подумал в самолете, глядя на себя в зеркало, когда стюардесса выскользнула из туалета, где была с ним за минуту до того? Именно так. Высокий, широкоплечий но жилистый, крепкий и собранный, загорелый под средиземноморским солнцем до слабо-кофейного оттенка, Саша Свечкин был хорош. Даже шрам на его лице, розовой полосой проходящий от уголка глаза до уровня губ, наискось через щеку, придавал этому мужчине какой-то шарм. Коротко стриженные темные волосы окончательно сделали бы из него благородного Сицилийского разбойника, если бы не слишком яркие серые северные глаза. Римский профиль, упрямая и волевая складка губ, и подбородок с легкой ямочкой завершали портрет, добавляя его чертам аристократичность, граничащую с высокомерием. За глаза капрал-шефа Дю Труа называли Принцем, что ему льстило. Подчиненные верно подметили легкость его походки и редкостное остроумие, отдававшее временами язвительностью. Вкупе с его внешностью и открытым, справедливым характером, это позволило кличке плотно приклеиться к Анри. Да, Принц. Принц без дома и без родной земли. Это была ирония, почти доходящая до издевки. Что ж поделать, Бог не дает человеку креста не по силам. Тем более что Саша имел не так уж и мало....

Кто-то думает, что человек, привыкший быть солдатом, не может адаптироваться к простой жизни человека гражданского.... Это смотря, что за человек. Да, понятно, есть люди, рожденные гладиаторами, место которым на арене Колизея под восхищенными криками толпы, осыпающей победителя лепестками роз, но никак не на работе в офисе или за станком. Есть люди полной противоположности, место которым в лоне церкви или в кругу аристократической интеллигенции. Александр Свечкин не относился ни к тем и не к другим. И за станковым пулеметом и за столом для игры в вист, он был одним и тем же – спокойным и осмотрительным. Просто он не путал работу с жизнью, и не находил удовольствие в бою, как некоторые из бывших сослуживцев. Работа есть работа, и удовольствия она приносить не должна. Александр был умен и начитан, он всегда старался как можно больше общаться с людьми, что не давало закрыться в себе и отвыкнуть от общества. Да и немало значила тонкая работа психологов, отслеживающих любые изменения характера бойцов. Неблагонадежные исключались. Когда-то давно, в Чечне была просто резня, в Косово и других конфликтах такого ужаса не наблюдалось, хотя и там не было ничего приятного. Одним словом, не было ничего более устойчивого, чем психика Александра. За годы войн она не поменялась, и в нем все еще жили, пусть и где-то в глубине души, вера в добро и любовь. Может, эта вера и помогла остаться человеком? Кто его знает? Опять по губам промелькнула улыбка. Что-то часто он улыбается в последнее время. Может, наконец-таки начал оттаивать? Может быть. А может он всего лишь был счастлив видеть свой родной город, улицы которого оживали в памяти, и метры исхоженных тротуаров целыми пачками выхватывали воспоминания о детстве, как выплавляет солнце из-под снега весеннюю зелень.

В аэропорту на него косились представители доблестной милиции, принимая его за уголовного элемента. Если бы не тонкий и элегантный костюм-тройка по последней парижской моде, его бы наверняка задержали для проверки документов; хотя строгость и властность человека, привыкшего командовать, ощущалась на клеточном уровне, и патрули даже не пытались подойти. Документы гражданина РФ еще надлежало восстановить, поэтому в родное отечество Александр въезжал как гость, Анри Дю Труа. Чистота его произношения за годы службы не пострадала. В Иностранном легионе хватало соотечественников из бывшего Союза, и разговаривать с ними на языке предков уставом не возбранялось, по крайней мере, в свободное от занятий время. Единственное, что добавилось в речи Александра, так это легкая картавость, которая его не портила. Владея в совершенстве французским языком от этого дефекта речи избавиться было невозможно. Но, как бы то ни было, мужчина за столом паспортного контроля, видя перед собой внешне типичного средиземноморца, очень удивился, слыша от этого

субъекта прекрасную русскую речь. Его подмывало спросить, не из эмигрантов ли Анри Дю Труа, но сталь холодных глаз не позволила этого сделать. Занервничав, он несколько поспешно поставил отметку в визе, и лихорадочно сунул документы обратно со стандартной фразой приветствия. Анри никому и ничего не будет объяснять.

Куда он поехал из аэропорта? В ближайшую к району, в котором вырос, дешевую гостиницу. Там он оставил свои вещи и переоделся. В спортивном костюме Александр походил на откинувшегося с зоны особо опасного рецидивиста, но ему это было побоку. Пусть боятся, если хотят. Первым делом был визит к другу детства, в котором Свечкин все еще оставался уверен. Открыла жена, друг был в командировке на севере, и ближайшие несколько месяцев ожидать встречи не приходилось. Александр вышел на улицу и сел на пустые качели во дворе дома, закурив. В Легионе курение отнюдь не поощрялось, и он мог обходиться без сигарет, но когда была возможность, Саша непременно курил, так как находил в этом удовольствие. Куда же ему идти? К дяде? А жив ли он? Нужно проведать. От дома друга до квартиры родителей было не более пятнадцати минут хода, и ноги вели через дворы на автомате. Знакомую стальную дверь открыла совершенно незнакомая женщина. Интуиция тут же шепнула, что дядя уже не жилец, и разговор будет бесполезен.

– Добрый вечер. Подскажите, а Николай Свечкин, не здесь ли проживает? По крайней мере, он здесь жил...

– Здравствуйте. Нет, не здесь. Эта квартира вот уже два года как наша. Мы ее купили у женщины... Как же ее звали... Березанская, если не ошибаюсь. Но она одна жила.

– Спасибо вам, – Александр кивнул, отступая. – Значит, дядя Коля уже с батей... – добавил он в полтона сам себе.

– Что вы говорите? – женщина не поняла.

– Нет, ничего. Адресат, говорю, выбыл. Прощайте, – Свечкин махнул рукой, разворачиваясь. Спускаясь по лестнице, он прошептал строчки из лирики Мандельштама: – Петербург! Я еще не хочу умирать, у тебя телефонов моих номера. Петербург! У меня еще есть адреса, по которым найду мертвецов голоса...

Он решил, что завтра же снимет жилье, пока не уладит вопросы с покупкой квартиры или лучше частного дома. Наверняка его уже давно выписали из отчей хаты, это просто не подлежало сомнению. Конечно, можно пободаться по этому поводу с народом, но никто не даст гарантий, что Свечкину удастся выиграть дело в суде. Да и не хотел он селиться в квартире родителей, до отказа заполненной не самыми теплыми воспоминаниями. К тому же привлекать к себе излишнее внимание властей было не самой лучшей затеей. Есть такая статья в УК РФ под номером 359, называемая «наемничество». Третья ее часть предусматривает ответственность наемника за участие в вооруженном конфликте или военных действиях лишением свободы на срок от трех до семи лет. И приятного в этом было мало. Да, для Александра, неплохо подкованного в юриспруденции, не было секретом, что по законам международного права, обозначенным Женевской конвенцией, боец Иностранного Легиона французской армии не был наемником по нескольким показателям; но сейчас Саша попал в Россию, и знал, с недавних пор дела о наемничестве расследует уже не милиция, а ФСБ, и с этими парнями шутки были плохи. Кто его знает, как российское законодательство отреагирует на появление Анри Дю Труа? Докажи, что ты не верблюд. Да хрен с ней, с этой квартирой, он и ночи бы там не провел! У него есть деньги, их хватит и на дом, и на машину, и на раскрутку собственного бизнеса. В России горизонты для предпринимательства безграничны, в то время как во Франции законы обойти куда сложнее.

Прогулка пешком по вечернему центру стала бы лучшим продолжением нового знакомства с городом своей юности, но Александр выбрал поездку на троллейбусе. Любовь к этому виду транспорта у него шла из детства, – каждый день, возвращаясь домой из секции бокса, он ездил именно на троллейбусе, любуясь огнями вечернего города и о чем-то мечтая. Как же

были благородны мечты детства, – вырасти шпионом, мушкетером, пиратом или сыщиком... И как потом обломала их жизнь, столкнув личность с обстоятельствами. Вырос мальчик наемником, мушкетером современности. Низменно, как скажут некоторые. Свечкин смотрел в окно и вспоминал время юности. Маршрут троллейбуса проходил через весь центр, и то тут, то там взгляд цеплял из серой череды зданий знакомые с детства силуэты домов, как-то связанных с прошлой жизнью. Город для Александра преобразился до неузнаваемости, разрезая тьму миллионами вывесок и сотнями тысяч автомобильных фар; знакомыми оставались лишь названия улиц. Вон в том доме жил тренер, а чуть дальше высотка, где на крыше Саша некогда целовался со своей первой любовью, провожая ее домой. Александр ждал, когда за сквером его глазам откроется невысокое приземистое здание станкостроительного техникума, на территории которого раньше была секция бокса. А вот и она, точно такая же, как и двадцать лет назад, когда он пришел туда впервые. Это радовало. «А сколько же должно быть лет Семенычу, тренеру? Ему тогда за шестьдесят было. Сейчас за восемьдесят, если жив... Уж не тренирует. Нужно будет проведать», – подумал Александр, и сердце запоздалым раскаянием резанула совесть. Это ж почти второй отец, а ты исчез как тень при полуденном солнце. Только бы он был жив.

Время перевалило за десять часов, салон троллейбуса подопустел, и кондуктор, подходя для обилечивания уже в третий раз, объявил, что это пошел последний круг, после которого троллейбус отправится в депо. Его ничуть не удивил пассажир, наматывающий круги. За пару десятков лет работы в общественном транспорте для кондуктора это было в норме вещей. Александр кивнул, и отвернулся в окно. Он и не собирался всю ночь кататься на «рогатом».

Стоило троллейбусу отъехать от конечной всего на пару остановок, как на очередной в салон вошла девушка. Еще до того как ее нога коснулась первой ступени, Александр уже смотрел в ту сторону, что-то предчувствуя. Хотя Свечкина женской красотой в принципе удивить было уже невозможно, так как во время шатаний по миру ему попадалось немало красивых девушек, он все же застыл в оцепенении, любуясь. И он был такой не один. Все пассажиры мужского пола обернулись к вошедшей, ощутив что-то непонятное, будто их ударило электрическим током. Девушка была высокой и грациозной, и эта грация давалась ей без труда; она двигалась плавно и ненавязчиво, как пантера. Длинные, черные, чуть выющиеся волосы пышно и тяжело падали на красивые плечи, густым облаком обрамляя красивое лицо немного неестественной белизны. Яркие, пухлые губы царственного, чуть крупноватого рта, прямой нос с четко очерченными (как про себя отметил Александр, «хищными») крыльями и плавность овала лица оттенялись заметной круглой родинкой над губой. Родинка нисколько не портила красоты, а скорее наоборот, делала линию губ еще более чувственной и желанной для поцелуя. Под идеальными, темными дугами бровей были завораживающие, миндалевидного разреза, глаза яркого, болотно-зеленого цвета. Декольте подчеркивало высокую грудь, а облегающая юбка как нельзя лучше выделяла стройные, точеные ножки. Плавность линий ее тела не могла не понравиться Свечкину. Да что там, все в этой девушке нравилось ему; все, кроме могильного холода, который на интуитивном уровне чувствовался в ее взгляде. Именно это и удивляло Александра. В любой девушке чувствуется тепло, сильное или слабое, но оно непременно есть. В этой же особе тепла было столько же, сколько в январском сугробе. «Снежная королева», – назвал ее про себя Александр, взвешенно оценив красоту, грацию и несомненную высокомерность вошедшей. Одновременно с этой мыслью возник вопрос: что же так подстегнуло при появлении данной красавицы? Даже До этого появления, раз Свечкин еще не видя, уже что-то ощутил. Явно не фригидность привлекла Александра, а какой-то неуловимый магнетизм, исходящий от девушки, сильный и пугающий, как колдовские чары.

Зайдя в салон, она не стала осматриваться по сторонам, а спокойно села у окна на свободное одинарное сиденье в середине салона. Подлетевший кондуктор вел себя почти как дореволюционный гарсон, обслуживающий в Яре генерала кавалерии. Не хватало только полотенца через руку и фразы: «Чего изволите?». Вытянувшись в струнку, кондуктор смотрел на девушку

так проникновенно, что Александр не удержался от смешка. «Как собака перед кормежкой, лишь хвостом не виляет!», – промелькнуло в его голове. Как же иногда смешны некоторые индивиды, пытающиеся привлечь к себе внимание понравившейся девушки... Хотя Свечкин не мог не признать, девушка того стоила! Усилия мужчины не были оценены, девушка, даже не поворачивая головы, покосилась на контролера и протянула ему купюру в десять рублей, которую держала в руке. Тот аккуратно взял деньги и принялся дрожащими руками отрывать от стопки билет. Девушка же отвернулась к окну, сделав жест, означающий: не надо! Кондуктор, не понимая, застыл на месте, но через пару секунд до него дошло, что аудиенция закончена, и он, медленно развернувшись на месте, с видом побитой собаки поплелся на свое сиденье. Александр только тогда заметил, как за этой сценой, не отрываясь, следила вся мужская часть троллейбуса, и стоило кондуктору отойти от девушки, пассажиры развернулись, чтобы уставиться в окна. Александр подавил смешок на мысли: «Кобели!», так как понял, что и сам не лучше. Стало не по себе. Он не любил быть как все.

До гостиницы оставалось не более пятнадцати остановок, как на очередной в салон вошел какой-то субъект неопрятного вида, находившийся явно под мухой, лет сорока на вид. Он шлепнулся на сиденье позади девушки и уставился ей в спину. Она же как будто ничего не почувствовала, продолжая дальше рассматривать уличные огни. Это было странно, девушки всегда чувствуют обращенные на себя взгляды, и тем более пьяный, тяжелый угловатый взгляд, упертый как ствол автомата в спину, который не ощутить было невозможно.

– Девушка, вашей маме зять не нужен? – как можно вежливее выдал субъект.

Девушка и бровью не повела, хотя, несомненно, понимала, что обращаются к ней.

– Я говорю, вашей маме зять не нужен? – опять поинтересовался мужик, но уже с нотками раздражения в голосе.

Опять никакой реакции.

– Ты что, глухая? – гражданин наклонился вплотную к девушке. – Эй... – он слегка пихнул ее в плечо.

Александр смотрел на это, понимая, пора вмешаться, но он также видел реакцию остальных мужчин, у которых уже промелькнула подобная мысль. Трое встали со своих мест, и подошли к девушке и хаму. Как подумалось Александру, если бы девушка не была так красива, рисковать своим лицом ради нее отважился бы в лучшем случае кто-нибудь один.

– Дружище, ты ничего не перепутал? – спросил у наглеца один из подошедших, здоровый мужик за пятьдесят.

После того как ее тронули за плечо, девушка соизволила-таки обернуться к пьяному. Как заметил Свечкин, ее глаза горели бешеной яростью, от которой у Александра пробежали мурашки по спине. Что-то явно было с ней не так, столько злости живой человек в себе не вместит. Дикая, животная ярость, сквозившая во взгляде, как подумал Александр, могла помочь девушке справиться с пьяным мужиком и в одиночку, разорвав его просто на лоскуты. Она смотрела прямо в глаза, храня молчание; но субъект того взгляда не видел, так как всецело сфокусировался на подошедшем здоровяке.

– А чё, чего-то хочешь? – пьяный тоже был зол. На него не обращали внимания, да еще и отвлекли от общения. Есть люди, которым нельзя пить спиртное; даже более того, к ним и трезвым подходить иногда опасно для здоровья.

– Чего к девушке пристал? – спросил все тот же здоровяк, но теперь в его голосе уже не чувствовалось столько уверенности и дерзости, сколько звучало при первом вопросе. Внешняя уверенность хама и наглость его тона заставили мужика немного стушеваться.

– Вали отсюда! – добавил второй мужик, выглядывая из-за спины здоровяка.

– Я те щас отвалю... – пообещал хам, неспешно покачав головой и доставая из кармана нож-бабочку. – Вы чё, фраера, попутали? – взорвался он, вскакивая с места.

Трое мужиков, не сговариваясь, резко отскочили на шаг назад.

– Ну, кто смелый? – продолжил пассажир, маня к себе рукой. – Давай сюда, попишу...

Отступив, мужики заслонили от Александра девушку, и ее реакции на происходящее он уже не видел.

– Да на кой мне здоровье класть, за эту... – произнес один из «заступников», и отошел на несколько шагов, чтобы сесть на свое место, отвернувшись от происходящего. Второй нехотя кивнул фразе товарища и повторил его движение. Таким образом, перед возмутителем спокойствия остался стоять только здоровяк. Он был бы и рад отступить как те двое, но честь не позволяла сделать этого, хотя мужик и боялся.

– Заступнички... – девушка презрительно окинула взглядом вернувшихся на свои места мужиков. Голос ее был мягок, глубок и слегка хриловат. Он был абсолютно спокоен, будто перед ней стоял не пьяный мужик с ножом в руке и полностью пустым мозгом, а поклонник с букетом ромашек.

Александр криво усмехнулся фразе девушки.

– Сядь, дружище, – обратился он к здоровяку, вставая. – Ты мне только помешаешь.

Здоровяк резко обернулся к Свечкину, и, промедлив пару секунд, кивнул, после чего с готовностью переместился в сторону своего сиденья, обрадованный возможностью выйти из сложившейся ситуации здоровым и без ущерба своей чести. Кто ж его знает, как далеко может зайти тот пьяный мужик с ножом?

– Э! А ты еще откуда вылез? – мужик с ножом обернулся к Свечкину, продолжая отслеживать краем глаза движение остальных пассажиров. Мало ли кто дернется из благородных побуждений помочь?

Свечкину, конечно, очень хотелось в момент своего выхода посмотреть на реакцию красавицы, но он внимательно следил за всеми движениями мужика. Один шрам на лице уже есть, и его вполне достаточно. Но мужчина чувствовал, обращенный на него взгляд выражает интерес.

– Убери нож и выйди отсюда, – Александр встал в полтора метра от дебошира.

Троллейбус стоял с открытыми дверями; водитель остановил его в ожидании завершения сложившейся ситуации, предупрежденный о стычке кондуктором.

– Чё, смелый нашелся?! – мужик не хотел отступить без боя. Даже нет, не так: ему очень хотелось сделать что-то плохое со Свечкиным, в частности порезать того на портянки.

– Перо убери... – не меняя тона, спокойно сказал Александр.

– Вот это? – мужик взмахнул рукой с ножом перед лицом Свечкина, нагоняя жути.

Зная, что на таком расстоянии нож не достанет до тела, Александр даже не отдернул головы, продолжая спокойно стоять. Бокс дает отличное чувство дистанции. Но за внешним спокойствием он был точно пружина, готовый к любому действию.

– Тебя уже резали. Тебе мало? – хам продолжал прощупывать Александра, не зная, – злить того было далеко не самой удачной мыслью, пришедшей на ум аборигена. Свечкин не боялся, и это удивляло мужика с ножом.

– Не советую делать подобных ошибок... – Александр очень не любил, когда говорили о его шраме, и поэтому начал терять терпение. Долгие разговоры перед дракой ему никогда не нравились. – Вали отсюда, урод, или сдохнешь, – от злости шрам на щеке побагровел, в то время как лицо несколько побледнело.

Абориген, видимо, тоже не был по своей натуре склонен к дискуссиям, и сразу перешел к нападению. Он пригнулся и после резко выкинул вперед руку, метя попасть прямо в шею. Александр был готов к такому повороту событий, и как на тренировке, просто убрал корпус влево, чтобы потом проглаживающим движением своей правой по руке с ножом увести ту в сторону. Дойдя до запястья руки, он зафиксировал захват и максимально потянул по инерции удара, отчего мужик застыл в позе летящего купидона, открыв правый бок. Мощный боковой удар заставил упасть дебошира на колени, а добивающий удар ногой сломал челюсть. Нож

остался в руке Свечкина. Он посмотрел на него, а потом сложил и сунул в карман. Занятие поднять мужика с пола за шиворот и пояс, и выкинуть на улицу как мешок, минуя все ступени, принесло удовольствие. Тело приземлилось на бордюр, раздалось подвывание. Стычка заняла по времени две секунды.

– Поехали! – крикнул Свечкин, обращаясь к водителю. Все пассажиры смотрели на него. – А вы чего уставились? Клоун сам выпал... – добавил он, борясь с раздражением, вызванным повышенным вниманием к своей персоне. Как глазеть, так все горазды, а как вмешаться...

Пассажиры нехотя отвернулись, Александр перевел взгляд на девушку. Он ожидал, что она скажет спасибо, но она лишь слегка улыбнулась, кивнув в знак благодарности, и отвернулась к окну.

– Проще будь, королева, – сказал Свечкин без раздражения, но несколько язвительно, раздосадованный, что его поступок не оценили должным образом. Девушка была высокомерной и холодной, она даже не испугалась произошедшего, чем вызвала в Александре уважение к себе. Сказанную фразу он обронил, не ожидая ответной реакции, а как само собой разумеющееся. Но, не смотря на то, что он не был расположен к диалогу с красоткой, тот все же произошел.

– Тебе что-то не по душе, воин? – она повернулась к нему. Зеленые глаза выражали некоторое удивление и заинтересованность.

– Твое высокомерие не по душе. Я дал совет, ты же сама делай из него выводы, – теперь он отвернулся к окну, думая, что диалог завершен.

– Каждый рожден для чего-то. – Загадочно ответила девушка. – Ты, – чтобы убивать, я, – чтобы властвовать, – она улыбнулась. – Так что все на своих местах, – и она в свою очередь посмотрела в окно, отвернувшись.

Александр внимательно взглянул на брюнетку, удивленный и заинтригованный словами красавицы. Она знает, или же просто попала пальцем в небо? Интуиция подсказывала, с этой девушкой явно что-то не так.

– С чего ты решила так про меня? – Свечкин подсел к ней, аккуратно коснувшись пальцами плеча, стараясь, чтобы жест не выглядел пошло или грубо.

Она обернулась, и зеленые глаза как-то потеплели.

– Я вижу это. Руки в крови... – она говорила тихо, но Александр слышал ее также четко, как если бы они находились не в гудящем троллейбусе, а в комнате для свиданий.

– Как зовут тебя? – выдохнул Свечкин, заморожено глядя в глаза девушки. У него в уме была тысяча вопросов, но решил он лишь на один.

– Мария.

– Мария? – не расслышал Александр, погруженный в догадки на счет загадочной девушки. Его тянуло к ней с непреодолимой силой, так, что терялись все остальные чувства кроме этого.

– Мария, – ее глаза зло сверкнули. – Не Мария.

Свечкин вздрогнул от этой вспышки, и понял, лишь стоит ему замолчать, как он потеряет эту девушку навсегда. Ему этого не хотелось.

– Ухо контужено. Не злись, – только и смог придумать он, слегка улыбнувшись. Контузия была, но слух оставался в норме.

Девушка улыбнулась в ответ, одними уголками губ, и медленно провела пальцем по шраму на его щеке. Прикосновение овевало холодом, от руки не исходило ровным счетом никакого тепла.

– Позволь я тебя провожу, – сказал он задумчиво.

– Но ты же не знаешь, куда я иду, – глаза светились иронией. Александр не мог понять, как в них всего за пару минут до того вмещалась вся свирепая ярость мира, когда девушка смотрела на мужика с ножом. – Тебе может оказаться не по пути.

– Мы сами выбираем свой путь, – Свечкин придвинулся ближе, любуясь. – Сегодня я хочу пойти с тобой.

– Тебе еще рано со мной идти, – она улыbnулась впервые по-настоящему тепло; хотя Александру то ли от этой улыбки, то ли от скрытого смысла слов, стало немного не по себе. – Сиди, я пойду, – добавила девушка.

Она встала и пошла к выходу, а Свечкин остался сидеть, провожая ее взглядом. Она, несомненно, почувствовала его взгляд в спину, и обернулась.

– Еще увидимся, воин, – тихий и нежный голос пролетел разделяющие их метры и прозвучал словно бы в самой голове Александра.

Девушка вышла из троллейбуса. Свечкин припал к окну, но на улице уже никого не было. Она просто исчезла в одно мгновение, оставив чувство, будто мужчине привиделась грива черных, цвета воронова крыла, пахнущих корицей волос и колдовские ярко-зеленые глаза.

– Марья... – сказал Александр, тронув шрам. Потом он тряхнул головой и вывел себя из зачарованного состояния. – Чего завис? – спросил он шепотом у себя. – Баб что ли красивых не видел?

И мысли перешли в другое русло.

На рассвете Свечкин сидел на могиле своих родителей, оперев локти на стол и рассматривая фотографию с родными и гордыми лицами. Только он, сигарета и семейная фотография. Еще не было слышно шума города, куда-то затерялись бомжи; и собаки, за ночь устав лаять, разбрелись по своим лежищам. Его одиночество никто не нарушал, и он был благодарен за это высшим силам. На самом деле благодарен. Иногда нам, особенно в такие минуты, необходимо одиночество и покой.

Такие молодые... Отцу на момент автокатастрофы было тридцать пять, матери на год меньше. А теперь их сын, будучи сам почти ровесником, смотрит на памятник серого мрамора, как на печать, скрепившую и завершившую две книги жизни. Теперь ему много бы нашлось, что сказать им... да куда уж теперь... Теперь поздно. Тогда он был весел, все куда-то бегал от себя, да и от них тоже. Теперь уже давно ни от кого не бежит, но только не легче от этого на душе. Тогда он не ценил их, думал, что вечны, и это неизменно. Никто не вечен, и этот закон природы осознаешь, лишь потеряв кого-то дорогого. О родителях он помнил все время, каждый момент жизни. Именно их любовь, которую Александр чувствовал еще тогда, в детстве, как ощущал ее и после их смерти, помогала ему преодолевать все на своем пути. Именно с этой любовью он вылезал из таких передряг... Он помнил о своих родителях, и знал, что ради памяти о них он должен жить. Жить так, чтобы не стыдно было смотреть, вот как сейчас, на черно-белую фотографию с их все понимающими глазами.

Отец хотел, чтобы сын вырос серьезным спортсменом, завоевал золото на Олимпийских играх или на первенстве Европы; и когда маленький Саша выбрал бокс, он только радовался. Если не спортсменом, то непременно хорошим следователем, честным и непоколебимым, как комиссар Катани или Мегрэ... Отец даже откладывал деньги на поступление сына в школу милиции. Не сложилось. После смерти родителей Александр в этой милиции прописался, но в качестве хулигана, которого таскали по всем делам, по каким только могли. Участковый старался его посадить. Недостарался. В девяностые резали многих, как воров, так и ментов, и поэтому когда на счастье Свечкина одной из жертв стал капитан Проскурин, участковый его района, Александр только обрадовался. О нем потихоньку забыли, но с тех самых пор доблестных работников милиции Александр не любил. Он никогда не сможет простить им отбитые почки и сломанные на допросах в дверном косяке пальцы. Хотя, с другой стороны он был им благодарен за науку, после которой отбивка армией и тяжести Легиона уже не были так страшны. На Свечкина трижды вешали глухие дела, и трижды он мог выйти калекой из допросных, если бы не тренер, что поднимал свои связи и вытаскивал ученика из обезьянника.

Политика Семеныча была проста – он помогал Александру из привязанности, как бывшему любимчику, искренне переживая за него и следя за его судьбой, но видеться со Свечкиным лично не хотел, решительно уклоняясь от встреч (да Саша и сам не стремился). В тренере говорила обида, в Саше говорила совесть, колючая и беспощадная. Вкупе этих чувств встреча была нежелательна. Так и жили. Только потом Александр понял, тренер отслеживал его путь через Вовку, друга, занимавшегося в той же секции, и был в курсе всех событий. Вовка стучал, но ему это прощительно. Давно уж нет пацана. Все та же Вторая Чеченская...

Мать хотела, чтобы сын вырос врачом. Ну, если не врачом, то просто хорошим Человеком. Не смотря ни на что. А это потруднее чем быть профессионалом какого-либо дела. Даже на скрипке можно научиться играть, пусть и не виртуозно, но все же будет приятно послушать, не всегда слух бывает врожденным. Человеком же можно только родиться, ведь если в тебе есть гниль, она вылезет рано или поздно, как не скрывай. Александр родился человеком, им и остался, не смотря на годы войны. Он не знал за собой тех грехов, которые считал самыми страшными – предательство, трусость, зависть и корысть. Этот квартет весит побольше всего другого, потому как является первопричиной всех остальных грехов... У Свечкина вообще везде была своя правда, немного расходящаяся с церковными догматами о ценностях и грехах. Так, например, вынужденное воровство, прелюбодеяние или ярость для Александра грехами не являлись вовсе. Украсть что-то, если голод и некуда идти, – не велико преступление. Да, все говорят: воровать легко, зарабатывать труднее. А когда сводит пустой желудок спазмами, здесь и сейчас, а работу еще найти надо? Мало кто голодал по трое суток. Если такое приходится делать не добровольно, а вынужденно, то не только воровать пойдешь... Прелюбодеяние? Да млекопитающие мы все, ничего с этим не поделаешь. Кто-то может бороться с влечением, кто-то не может. Редко кто выдержит, если оно само идет в руки... А ярость помогала жить; и бегать под валящим с ног ветром при глухом минусе, и воевать с полной выкладкой в пустыне на жгучем солнце, и валить врагов без страха ему помогала все та же ярость. Да, Свечкин убивал. Но убивал врагов, пусть и чужого, а Отечества. Он не насиловал женщин в захваченных деревнях, не мародерствовал, он не расстреливал стариков и не жег напалмом детей. Александр не дрался с безоружными. Его жертвы были солдатами. Это война, и он зарабатывал войной себе на жизнь. Заработал. Теперь богат. Теперь есть деньги, полная свобода ото всего, есть возможность спокойной жизни. Да вот жить ему не особо хотелось, не знал он ради чего ему жить.

Там все было просто – казарма, увольнения в город, бои, ностальгия по Родине и недолгая дружба с такими же скитальцами со всего мира. И все знали это, и всем понятны были ценности жизни, равно как и краткость ее. Там все было мимолетно – дружба до «удачного» выстрела или до истечения срока контракта; любовь лишь на одну ночь; ностальгия от боя до боя. Свечкин был похож на человека, который пробирался по извилистой узкой тропе через лесную чащу, пока не вышел в степь, и там обомлел от открывшегося простора. Первый вопрос в такой ситуации: «А куда идти-то?». В лесу ты шел вперед, свернуть мешали кусты, а здесь иди куда хочешь. Да только ты не идешь, просто садишься на пень и ждешь чего-то. Кто-то так и сидит на пне до темноты, а кто-то идет на восход... Вот так и Александр – вернулся домой, где не было ни родных, ни близких, в дом, пустой как маковая степь; и вроде иди куда хочешь, и идти-то некуда. И лишь пустота. Одна пустота до горизонта. Так бывает, когда достигаешь цели, к которой шел долгие годы...

В трудах и раздумьях Александр и сам не заметил, как пролетело время, и стрелки на наручных часах показали половину десятого утра. Свечкин вырвал весь сорняк на могиле, помыл памятник, заменил старые искусственные цветы новыми и посадил три куста роз. Лопату, купленную заранее, он оставит здесь же, везти ее некуда. В гостинице точно не образуются появлению постояльца с таким типом садового инструмента. С таксистом они договорились на десять, и значит оставалось совсем мало времени для прощания с родными. Александр уже знал, как пройдет его день. Привычка планировать распорядок помогала экономить

время, и знать чего ты хочешь добиться. Там это было важно, здесь же такая важность терялась, времени стало хоть отбавляй. Первым делом Свечкин собирался заехать к старому товарищу отца Олегу, у которого надлежало забрать оставленные некогда на хранение документы. Этот человек был похож на скалу – незыблем в своих жизненных понятиях, верен в обещаниях, неразговорчив и не ломаем. Именно такому можно доверить не только документы, но и жизнь. Свечкин это знал, и не сомневался, он найдет все на своих местах, при условии, конечно, что Олег за прошедшие годы не переселился в мир иной. Следующим намеченным пунктом распорядка дня был визит почета к Семенычу и поиски квартиры для жилья. Единственное чего боялся Александр, так это что Семеныча уже нет в живых, и Свечкин так и не успеет попросить прощения за свои исполнения, сказать спасибо за поддержку в трудную пору его жизни. Все мы смертны, а лет бывшему тренеру отсчитало немало. Назавтра, в понедельник, запланировано посещение паспортного стола. Свечкин знал, насколько трудоемок процесс восстановления документов, особенно паспорта, но он также понимал, что приехал в Россию, где закон для обычных граждан, переставал быть законом при наличии денег. Плюс еще нужно будет решить с пропиской, поломать голову. Он не сомневался, за отдельную плату получится избежать подачи заявления об утрате паспорта, и всей подобной проволочки. Для воплощения всех задумок документы были нужны как воздух, нужны в кратчайшие сроки. Довершали планы на ближайшее время покупка машины и получение водительского удостоверения. Обретение занятия по душе только маячило на горизонте, и относить его к насущным целям было слишком рано.

Александр закурил сигарету. Дорогой французский табак, привезенный из Парижа, заставлял задуматься, что же он будет курить, едва стоит закончиться сигаретам. Мысль об отечественном табаке приводила в ужас, за десять лет мотаний по загранице он успел отвыкнуть от этого кошмара. Сбоку раздался нечеткий шорох, Свечкин нехотя обернулся в ту сторону. Раздвигая ветки кустов и высокую прошлогоднюю траву, по направлению к Александру шла красивая молодая женщина. Что Александр не видел Милу уже двенадцать лет, не имело значения, он ее узнал почти сразу. Поначалу ему показалось, это плод воображения, галлюцинация, но услышав ее тихие чертыханья, он понял, что это не так. Это была Мила, собственной персоной, пусть и немного набравшая в весе, изменившая прическу, утратившая былой блеск в глазах и юношескую бойкость. Это была Мила, но уже не та, которую он любил так много лет назад. Свечкин затянулся сигаретой, прикрыл глаза и отвернулся в другую сторону. Он ее так и не простил.

Первым в голове возник вопрос: какого хрена она делает на кладбище, в воскресенье, с утра, в одиночестве? Спала б себе дома. Второй вопрос был несколько иного порядка: почему она идет именно к могиле его родителей? Возникло желание встать и уйти, но он сдержался. Бежать от кого-то? Ну уж нет. Он пришел к своим родителям, которых не навещал долгие годы, и с этого места его не согнать даже гаубицей, до тех пор, пока сам того не захочет. Подойдет – поговорят, хотя Александр и сам понимал, что изменился почти до неузнаваемости за годы, проведенные на войне. Его не узнают, скорее всего. Мила что-то искала глазами, неуверенно продвигаясь все ближе и ближе к Свечкину. Он поставил ногу на скамью, обнял колено руками и старался не смотреть в сторону приближающейся женщины. Он смотрел на фото родителей, и терялся в догадках о причинах появления своей первой любви. В конце концов, на ум пришел вывод, это всего лишь случайность судьбы, и не более того. Как подумалось Свечкину, если бы Мила знала, кто сидит на скамье в десяти метрах от нее, она бы бежала подальше.

Мила подошла на расстояние в пять шагов. Александр не смотрел на нее, но следил за передвижением боковым зрением.

– Извините... – обратилась на к Свечкину.

Он не обернулся. Она подошла вплотную и встала сбоку.

– Извините... – она хотела что-то добавить, но осеклась, видя, что на нее не обращают внимания.

Тогда она тронула его за плечо.

– No entiendo... – обронил Александр по-испански, лишь слегка развернув голову. Он очень надеялся что от него после этого отстанут, так как, будучи его одноклассницей, Мила учила французский, и вряд ли сможет выйти на диалог. Кастильское наречие от языка галлов отличается разительно.

Мила в первую секунду растерялась, но затем справилась со ступором:

– Parler vous français? – она улыбнулась.

– No, – односложно ответил Александр, не меняя тона.

– Do you speak english? – Мила его удивляла.

– No, – ответ был неизменен. Свечкин ждал, что его спросят по-китайски.

Но Мила подобного не сделала, лишь кивнула пару раз, как-то неуверенно взмахнула руками, и, обронив тихое: «excusez-moi», отвернулась от Свечкина. Она начала снова осматриваться по сторонам, и случайно ее взгляд упал на памятник, перед которым сидел иностранец. Прочитав фамилию и узнав людей на фото, Мила развернулась лицом к Александру. Она тихо и медленно осела на ограду могилки, хлопая глазами.

– Саша, – тихо сказала она.

Он поднял голову и холодным, стальным взглядом смерил несостоявшуюся жену.

– No entiendo, – слишком жестко ответил он, нахмурившись. И неестественный тон, и привычный поворот головы на имя, только больше удостоверили Милу в правоте догадки, кто перед ней.

– Саша, это ты, – это был не вопрос, а утверждение. Хотя Свечкин изменился до неузнаваемости, она узнала его по голосу, который был бы ей родным и через столетие. Так же родны были лица на фото: дядя Валера и тетя Тая, знакомые с детства родители ее первой любви... Она заморожено смотрела в лицо Свечкина, как будто стараясь запомнить каждую черточку и унести с собой. Она любовалась им.

Он хранил молчание, не отводя взгляда.

– Саша, зачем ты так со мной?

– Узнала таки... – констатировал он.

Она сломалась и заплакала. Мила до сих пор чувствовала вину за предательство, совесть давала о себе знать все эти годы. Она была уверена, что он погиб в Чечне. Она не допускала мысль, что человек, испытывая такие сильные чувства, какие испытывал Свечкин, не будет по возвращению домой искать встречи. Он должен был это сделать для выяснения причины поступка, почему же с ним так поступили. Она не учла одного, Александр не был похож на большинство, и считал для себя унижением напрашиваться к кому-то на встречу. Тем более он вычеркнул Милу из своей жизни как пройденную главу. А она давно уже его похоронила, и страдала душой, считая себя невольной виновницей смерти, убедив себя, что он потерял вкус к жизни после ее письма. Это было глупо, но совесть всегда находит для нас обвинения, и там не так уж важно, имеют ли они под собой почву, потому как одинаково сильно причиняют боль, вне зависимости от своей реальности или не реальности. Мила считала Свечкина умершим, исходя не только из глупых доводов совести. Ей в этом немало помог дядя Александр, объявивший племянника без вести пропавшим, по его же конечно просьбе. Александр не хотел возвращаться к прошлой жизни, и, уезжая во Францию, просил дядю отвечать на все наводящие вопросы именно так. Мила пришла в гости к Свечкину-старшему через год после демобилизации Александра, очень желая того увидеть. Тогда брак Милы дал первую трещину. Именно из-за ответа дяди она не стала больше искать свою первую любовь, почти смирившись с потерей. Слух о гибели (пропаже) Александра прозвучал эхом по его знакомым, те справили знатные поминки, и не далее как через полгода после того забыли о существовании товарища.

Так всегда бывает, жизнь-то продолжается... Может, будь Александр жив, Мила не корила себя так за проступок. Она бы думала, что Свечкин рано или поздно будет счастлив с другой, испытывая при том некую долю ревности. Зная же, что человека не вернешь, и жизнь никогда не подарит ему счастья или умиротворения; зная, что дорогой тебе человек умирал, считая тебя тварью – это было выше сил простой девушки. Лишь потому совесть мучила ее более десяти лет. И поэтому сейчас она плакала, не отдавая себе отчета в истинной причине слез; просто это было для нее актуально в тот момент. Так выходило горе.

– Прости меня, Саш, – ни всхлипов, ни рыданий. Слезы, оставляя дорожки, текли по щекам, скатывались с подбородка и исчезали в тонкой английской шерсти свитера.

– Меня теперь зовут Анри Дю Труа, я гражданин Французской республики. Саша Свечкин умер тогда, когда получил твое письмо в три строки, – он грустно улыбнулся.

– О чем ты? – она не могла до конца понять смысл его слов, мешали эмоции. Он – француз? Но как?

– Я говорю, что твой знакомый умер. Саши Свечкина больше нет. Сечешь? – он подкурил сигарету.

Мила поежилась от холода его глаз, слезы прекратились так же внезапно, как и начались. Если бы при встрече он раскрыл объятия, она бы кинулась ему на шею; если бы он ее оскорбил, она бы ушла. Он же смотрел на нее как на чужую, и в его взгляде не было ни любви, ни ненависти, ни обиды, ни радости встречи. Там не было ничего кроме холода. Чужой. Он стал чужим, и она это прекрасно поняла. Она удивлялась таким переменам, помня его пылким влюбленным, счастливым мальчишкой. Сейчас же перед ней сидел жесткий мужик, ледяной и мрачный. Вроде он, но и не он вовсе.

– Но это же ты... – она не верила такому холоду.

– Я? Я даже внешне не похож на того паренька, каким был когда-то. Тогда во мне насчитывалось больше ста килограмм мышц, сейчас же едва восемьдесят наберется, и то костей да сухожилий. Тогда я был совсем мальчишка, сейчас уже виски сесть начали. Тогда я верил в радость жизни, теперь от этой «радости» ранние морщины на лице.... Я уже не я.

Недолгая пауза.

– Так ты серьезно француз? – Мила поняла, что продолжать тему бессмысленно. Она успокоилась, и теперь наблюдала за Александром с любопытством и какой-то тихой радостью, наверное, возникшей от неожиданности встречи.

– Да. Теперь.

– Но как?

– Дали гражданство.

– А шрам? Война?

– Она самая.... Но не будем об этом, ни к чему.

– Ты такой красивый... – она чуть прикрыла глаза.

– Спасибо. Жалеешь о чем-то? – голос отдал сарказмом. Он встретил ее взгляд.

– Нет... просто... – она ступевалась.

– Вот и хорошо, что не жалеешь. Говорят, если долго смотреть в бездну, она сама начинает смотреть на тебя. То же самое и с прошлым. Оно затягивает. Если постоянно оборачиваться, будешь спотыкаться, – он закурил.

– Мудро, – грусть в нотках. – Женат?

– Нет. И некогда было – я военный. Десять лет на службе республики, – Александр понимал, что все еще безразличен Миле; конечно, не так как тогда, но все же оставалась какая-то нежность и привязанность к нему. К нему ли? Или же к тем годам? Один только Бог знает женское сердце. Именно поэтому Свечкин и не гнал ее, жалея. Он видел раскаяние и душевную боль, с которой задавались вопросы.

– Надолго в России?

– Не знаю. Думал, вернусь навсегда, а теперь теряюсь в решениях. А ты сама как? Что в жизни поменялось?

– Да как все живу. Дом, семья, двое мальчишек. Я домохозяйка, муж добытчик.

– Первый брак? – Александр технично избежал упоминания о своем бывшем друге.

– Первый, – она опустила глаза.

– А здесь что делаешь?

– Бабушкину могилу ищу. Она где-то на этом участке. Давно не была. Разведка боем, так сказать. Если найду, то в выходные приеду с сыновьями, порядок наведем.

– Понятно, – он встал. – Уже десять, мне пора.

– Я на машине, давай тебя отвезу, куда скажешь, – она с надеждой посмотрела на мужчину.

– За мной к тому перекрестку такси приедет, – он махнул рукой в сторону. – Прощай.

Александр, не дожидаясь ответа, развернулся спиной. Ему этот разговор причинял неудобство и заставлял копаться в памяти, чего совсем не хотелось. Он не хотел тревожить старые раны.

– Прощай? – она в два скачка нагнала его и, дернув за руку, развернула к себе лицом. – Прощай? Мы что, больше не увидимся?

– А зачем? Не плачь, пожалуйста, – он смахнул с ее щек набежавшие слезы. – Все в прошлом. Пойми, встречи только помешают, и тебе и мне. У тебя муж и семья, которую, как мне думается, ты начнешь рушить. У меня же новая жизнь, и лед в сердце. Меня серьезно переломала и перемолола война. Я другой, и тебе не понравится то, что ты увидишь... или уже не нравится.

– Ты так легко решаешь и судишь за других! – укор был к месту. – Ты даже не хочешь узнать, почему я тогда так поступила? Не спросишь, жалею ли я об этом? Счастлива ли я?

– Мила, послушай меня, – он погладил ее щеку и остановил руку на шее, стараясь придать тону как можно больше вкрадчивости. – Почему ты тогда так поступила я и так понимаю, и сейчас мне это безразлично, прошло почти одиннадцать лет. Жалеешь ты или нет, тоже без разницы, потому что все уже сделано и этого не исправишь. Ну а счастье или же несчастье в этой жизни ты выбрала сама, и винить в случае чего некого... – он медленно опустил руку и отступил на шаг.

– А я, дура, мучилась все эти годы... думала, что виновата в твоей гибели.... А ты не стоил этого, бездушное животное....

– Что посеяла, то и пожала. Себя вини, – он подмигнул, горько ухмыльнувшись, и отвернулся от нее.

– Саша! Саша, прости! – крикнула Мила ему в спину, и он в последний раз обернулся.

– Я простил. Уже простил. Живи спокойно, не мучайся больше. Если тебя это утешит, то знай, благодаря твоему поступку я стал мужчиной, не сомневающимся в себе, и знающим, что хочет от жизни. Я почти счастлив теперь. Спасибо тебе. Пока!

И он ушел, а она села на скамью и тихо заплакала. Мила и сама понимала, его слова на счет вины правильны. Сама дел натворила. Теперь же расхлебывает. За все приходится платить. И больше всего колото сердце, что он даже не ненавидит ее, что он равнодушен, как будто они и знакомы никогда не были. Он ее забыл. Он не захотел знать, счастлива ли она. А она была несчастна в браке, и чем дальше текли годы совместной жизни, тем явственнее это различалось. Она тосковала по тому Саше. Но Свечкин прав – он умер. И слезы на щеках Милы были поминальными, и по ушедшей юности, и по веселому пареньку, навечно оставшемуся в ней, на бескрайних просторах солнечных деньков.

Когда Свечкин сел в такси, он глубоко вздохнул и понял, обиды на Милу в сердце больше нет. Теперь он полностью отпустил ее, и встреча была неслучайна. Это была помощь свыше.

В сердце осталась только статистика памяти, холодная строчка в книге, сторонняя картинка. Пусть же она будет счастлива. Он и для себя непременно добьется этого.

2. Загадочное дело

Лестница подъезда, пахнувшая свежей краской, вывела на пятый этаж панельной девятиэтажки. Александр застыл перед железной дверью черного цвета, ощущая растерянность и какое-то смущение. Он опустил голову, посмотрел на свои кроссовки, потом поднял глаза на дверь и занес руку над звонком, хотя так и не нажал. Рука опустилась, тяжелый вздох, взгляд по сторонам. Рука снова у звонка, однако вместо того, чтобы позвонить, он стучит костяшками по двери. Глухой звук обличает, что дверь не полая, и из толстой стали. Александр ждет несколько секунд, потом стучит снова. За дверью ни шороха, ему хочется уйти. Голос в голове подсказывает, что миссию можно считать выполненной, и, если за дверью никого нет, стоит развернуться и заглянуть в другой раз. Как-нибудь... Александр знал, если последует совету голоса страха, то уже никогда сюда не вернется. Без раздумий, с неизвестно откуда явившейся резкостью, он давит на звонок. Теперь слышна трель, и через пару секунд бряцанье дверных кандалов...

На пороге возник Семеныч, точно такой же, как и пятнадцать лет назад, лишь чуть ссутулившийся и ставший еще более сухим. С высоты своего метра восьмидесяти пяти Свечкин смотрел на старика сверху вниз. Семеныч ясным, цепким взглядом окинул Свечкина, а тот улыбнулся, смущенно, но радостно. С души упала гранитная глыба, ведь был жив тренер, единственный родной человек. Глядя на глупую улыбку визитера, не узнавая своего бывшего ученика, Семеныч глухо кашлянул и поинтересовался:

– Ищите кого?

– Семеныч! Не узнаете меня? – Александр не огорчился, так как учел прошедшие годы и свою поменявшуюся внешность.

– Что-то не припомню. А вы... – он выжидающе застыл.

– «Ты», не «вы». Свечкин я... – но он не успел договорить, его перебили.

– Саша?! – у старика округлились глаза. – Да ну... Ты же в Чечне...

– Нет, Семеныч. Я жив, – он улыбнулся. – Я это, я, – он понял, что недоверие нужно развеять. – Помните, 96-й, сборы в Ростове? Мы с парнями первое в командном заняли. Я в финале с Тошей Клименко бился... Или первенство города в 97-м? Второй раз в жизни в нокаут отправили... Не надо, Семеныч! – это относилось к выступившим на глазах бывшего тренера слезам.

– Это старость, Саня, – только и смог сказать тренер, вытирая глаза рукавом рубашки. – Раскис я чего-то. Я ж тебя похоронил давно. Ты мне как сын был.

Свечкин знал, что родных детей у Семеныча не было, и поэтому тот относился к ученикам с заботой. Все, кто задерживался в секции бокса на более-менее длительное время, автоматически зачислялись в обширную семью. Ученики это чувствовали и платили взамен искренностью и уважением. Семеныч был им как отец, жесткий и крикливый, строгий до безумия, требовательный как надсмотрщик, но любящий их. Свечкин обнял тренера за плечи, и затем отстранился.

– Я больше всего боялся, что уже не увижу вас, – тон стал горек.

– Так, так. Хорош, – Семеныч взял себя в руки, повеселев. – Пошли в дом, хватит на лестнице трещать, – он схватил Свечкина за ворот куртки и потащил за собой, хотя тот и не думал отпираться.

Семеныч уже орал на всю квартиру.

– Сеня! Сеня! Я сына обрел, – Семеныч говорил с иронией, весело посмеиваясь. Свечкин тоже повеселев, справившись с наплывом чувств. Тренер выпустил из руки куртку, и в зал они вошли уже степенно.

За столом, на котором стояла бутылка армянского коньяка и два бокала, сидел кряжистый мужчина с мощными широкими плечами, примостив кулаки на подлокотники кресла. Внешность и седина на висках подсказали Александру, что мужчине около сорока-сорока пяти лет, а нависающие тяжелые брови, сурово сдвинутые на переносице, и хитрый прищур обличали цепкую и сильную натуру. Наплечная кобура на спинке стула давала понять, перед Свечкиным милиционер, а поломанные уши для знающего человека были как визитная карточка бывшего борца. Все эти выводы пришли на ум автоматически, за секунду. Протягивая руку, Александр уже знал, кто ему ее пожмет.

– Это Саша Свечкин, когда-то мой лучший ученик, – Семеныч произнес это с гордостью.

– Здорово. Арсений Прохорович, – представился борец.

– Александр, – он пожал твердую, как доска ладонь, смотря прямо в глаза. Свечкин очень старался подавить в себе закоренелую неприязнь к представителям милиции.

Арсений что-то почувствовал, но не понял, и это вызвало недоверие. Холодные волчьи глаза посмотрели на Семеныча.

– Как же, помню... Ты говорил, он умер. Лет десять назад? – как и у любого хорошего опера, у него была отличная память.

– Я так думал, – тренер кивнул на стол. – Садись, кушай, пей. Коньячку?

– Спасибо, не пью, – Свечкин сгладил отказ легкой улыбкой. – Я ем...

– Налетай, – тренер подвинул тарелку с шашлыком. – Вилка нужна?

– Я руками, – Свечкин с радостью вонзил зубы в мясо. Он не ел шашлык уже много лет; хороший, настоящий шашлык, и очень по нему скучал. – Не удивляйтесь, я не голодаю, просто по нашей кухне соскучился.

– Сколько лет я тебя не видел? – Семеныч налил себе и Арсению коньяк.

– Четырнадцать... – Александр, стыдась, потупил взор и притих. Он перешел на «Ты», как когда-то в детстве. – Ты прости, что так...

– Простил уж, – тренер вздохнул. – Потом об этом. А где ты пропадал?

Свечкин покосился на Арсения, а тот в свою очередь так же недобро поглядел на него.

– Можешь при нем, Саня. Он мне как младший брат, или сын, если хочешь, – Семеныч жестко вклинился между ними, привстав. – И не надо коситься друг на друга. Я знаю, Саня, тебе менты много крови попортили в свое время, но Сеня не из тех. Это сыскарь, майор, порядочный человек.

– Понял, – Александр выдержал паузу.

– Сидел, что ли? – Арсений все понял по-своему.

– Да не, – Свечкин махнул рукой. – Воевал. Слышал за Иностраннный легион?

Майор поменял выражение глаз с недоверчивого на открытое. Поначалу он принял Свечкина за урку, и сейчас был рад ошибиться. Как и любой настоящий опер, он не особо любил преступный элемент. Свечкин понял это, и чтобы окончательно развеять все сомнения протянул Арсению паспорт гражданина Французской республики.

– Видел когда-нибудь такую ксиву? – он уже успел перейти на «Ты», обращаясь к майору. Глупо «выкать» человеку немногим старше себя, с которым пьешь за одним столом.

– Не видел. Так ты француз? – он усмехнулся, глядя на разбойничье лицо Свечкина.

– Ага. Вылитый.

Тренер, после появления паспорта, долгое время молча глазел на бывшего ученика, но потом все же пришел в себя.

– Ого. И где ж ты воевал? – Семеныч смотрел уважительно.

– Принеси карту, я отмечу. Чтобы потом не было вопросов, где эти забытые Богом дыры... – он не удержался от шутки.

– Ну, ты даешь! – Семеныч усмехнулся. – Никогда бы не подумал. Француз...

– А как там, в легионе? – Арсений проявил не свойственное ему любопытство. Он вообще был немного туповат на проявление чувств, хотя и отличался живейшим умом и редкостным чутьем на любую перемену в поведении человека.

– А что именно тебя интересует?

– Да все. Как ты туда поступил? Какая там служба? Сложно было попасть? Для меня Иностраный легион – это какая-то романтика, что ли... Не каждый там может служить.

– Все, что нам неизвестно окружается ореолом тайны, мистики или романтики. А так никакой романтики, все обычно... В Париж я попал по туристической визе, один день пошатался по городу, а с утра второго дня поехал на метро до Фонтанай Су-Буа. Это станция, почти на окраине города, возле которой находится вербовочный пункт. Этот пункт называется Форт де Ножен, в Париже он один. Подошел на КПП, меня спросили цель визита...

– А ты по-французски разговаривал тогда? – тренер влез в разговор.

– Я ж не только боксом занимался... В школе учил французский, по крайней мере, два слова связать мог. Я понял, о чем меня спросили. Я ответил на ломаном языке, что я русский и прибыл для прохождения службы. Меня отвели в какую-то комнату, там я долго ждал, пока мной займутся... Там поначалу все рассчитано на проверку твоего терпения, адекватности я бы сказал. Само собой стоит тебе постучать в дверь и выразить нетерпение, и ты уже им не подходишь. Легионер должен быть выдержанным, железным.

– А в туалет?

– Туалет в той комнате есть. Сиди и жди.

– Долго?

– Часов не было...

– Сеня, чего ты перебиваешь все время? Пусть расскажет, – тренер проникся интересом к рассказу.

– Так вот, я ждал... Потом меня отвели на медосмотр и личный досмотр, забрали все кроме мелочи из карманов. Одежду дали другую, спортивную. Расспрашивали о родителях, о прошлом... да, обо всем расспрашивали. Отвечал я, как есть, ничего не скрывая. Я думал, будут на детекторе лжи проверять потом. Не проверяли. Они для общения со мной белоруса позвали, капрала. Потом снова комната с кроватью. Все как у нас в армейке, только вместо казармы одиночка. Ранний подъем, ранний отбой. Работа, за провинности рукоприкладство или отжимания...

– Дедовщина?

– Нет. Рукоприкладство я грубо сказал. Так, леща дать могли или пинка. Но это если косячишь. Так не трогали. За драку сразу изгнание из легиона, обоих причем. Не важно, кто виноват, а кто прав. Хочешь разбираться – в спортзал, там по правилам, в перчатках... Из Парижа через пару дней меня направили в Обань, это основная база Иностранного легиона во Франции, пригород Марселя. Природа там, конечно, красивейшая. Но ладно, не будем об этом. Что потом? Тоже работа, спорт, медосмотры, комиссии, тесты на интеллект и сообразительность. Психологические тесты. Тест на кросс Купера...

– Это три километра за двенадцать минут нужно пробежать когда? – Арсений не удержался от вопроса.

– Ну да. В общем, сплошные проверки. О тебе узнают все – шрамы, родинки, переломы, кто из тетя или дядя болел корью и тому подобным. Ощущение, что твои родители не могут тебя знать так хорошо, как шеф-капрал, задающий вопросы! И вот, после всего тебе говорят, подошел ли ты им или нет. Подошел – служи, а нет – на родину.

– Без гроша в кармане? – тренер скривился.

– Да нет, там за каждый день плата идет тебе. С деньгами наколов нет, это не Россия.

– Ну да.

– Ну, в принципе так и все. Месяц мурыжили в отборочном лагере, потом присяга и направление в Кастельнодари. Там учебный лагерь, где из тебя делают солдата... Но я не хочу об этом. То, чему нас учили, останется при мне, как и то, где я был потом. Я лишь добавлю, что девиз Иностранного легиона: «Легион – наша родина», правдив на все сто процентов. У тебя новое имя, паспорт, дата рождения и национальность. Ты новый человек, и делается все для того чтобы ты забыл свое прошлое. Десять лет я был солдатом, и служил легиону. Хотите верьте, а хотите нет, но он стал мне второй родиной! – Александр замолк, о чем-то вспомнив.

Семеныч понял, что пора менять тему.

– Сеня, так на чем ты остановился, когда Саня пришел?

– Я тебе о серии рассказывал последней. «Серия Ха», или «Висяк», как ее у нас в управлении называли, – Арсений перевел взгляд на старика. – Хороший у тебя коньячок, забористый, – он уже начинал хмелеть.

– Что есть, то есть... Ты начни сначала, Саньку, я думаю, интересно будет узнать, в какой город он вернулся.

– Ты веришь в оборотней? – сказав это могильным тоном, Арсений Прохорович покоился на Свечкина и сверкнул глазами.

Тот не удержался и заржал, настолько театрально получилось это у опера.

– Товарищ майор, а что, милиция теперь и их ловит? Знаю медвежатников, фарцовщиков... а эти как называются? Клыкастики? Или блохастики? – Александр перевел дух после короткого приступа веселья.

– Ага, и пули ментам теперь серебряные выдают! – Семеныч тоже рассмеялся.

– Серебряные, это у ОМОНа. У нас только распятия и святая вода, – Арсений не обиделся. Он и сам был на приколе. – Так веришь, Саня?

– Нет, не верю, – Свечкин улыбнулся. – Моя детская психика только зубных фей и зеленых эльфов признает. А что, шалят зубастые?

– Шалят. Я-то и сам в чертовщину не особо верил, но среди моих коллег, особенно молодых и неопытных, бытует мнение, неофициальное, разумеется, что в нашем городе орудует то ли клан упырей, то ли свора оборотней, ну и жрет всех без разбора.

– Клан упырей? Я и не знал, УгРо теперь коллективно в кино водят на фэнтези? Что последнее смотрели? Сумерки?

– Ха-ха! – Арсений поддержал шутку Свечкина. – Я представляю, как некоторые обрадовались бы...

– Слушай, но ведь чем-то эти слухи вызваны? – Свечкин откинулся на спинку и задумчиво поглядел на майора.

– В том-то все и дело! – опер погрустнел. – Конечно, здесь по большей части газетчики постарались, да балаболы всякие. Ты же наш народ знаешь? Собака соседа за ногу укусит, а наутро весь двор на похороны спешит. Только дай посплетничать. Хотя, тут и без них мистики хватает.

– Так сколько убийств-то было? – Семеныч вмешался в разговор.

– Пока девять. За полгода.

– А есть наработки? – Александр заинтересовался. – У него в крови сидела тяга ко всему неизведанному.

– Буду краток. Дело поистине загадочно и нет того, кто пролил бы на это свет. Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Свидетелей нет, вообще никого. Все убийства происходили в центре города, но никто не проходил в это время по улице, никто не смотрел в окно...

– Может и видели все, да боятся? – тренер отодвинул от себя рюмку с коньяком, понимая, что ему уже хватит.

– Кто его знает? Одним словом, глухарь. Почерк во всех убийствах совпадает до мельчайших деталей.

- Две раны на яремной вене? – Свечкин вскинул брови.
- Нет, не так тонко, – Арсений отмахнулся. – Я погляжу, тебя тоже не обошли стороной фильмы про вампиров?
- Я же не из леса вышел! – Свечкин протестующе взмахнул рукой. – Так как убивали?
- Горло разорвано, – майор следил за реакцией. Привычка брала свое.
- Ничего себе, – Александр присвистнул. – И везде одно и то же?
- Везде. Я ж говорю.
- Это вряд ли человек... – Александр задумался. – Хотя, если ты говоришь убийство, а не несчастный случай, значит за всем этим стоит кто-то, а не что-то...
- Знаешь разницу? – опер удивился.
- Изучал право, в том числе и международное. УК РФ в новой редакции. Убийство – это умышленное причинение смерти другому человеку. Само собой, животное не может иметь умысла. Значит человек.
- В том то все и дело... – Арсений скривился. – Не все так просто. Мистика началась, когда после первого убийства судмедэксперты сняли слепок зубов и провели анализ слюны. Эксперт сказал, что зубы явного представителя семейства собачьих, да только слюна человеческая...
- Да ну... – Свечкин недоверчиво покосился на майора, проверяя, шутит ли он. – Ты чего жути нагоняешь?
- Если бы... я б и сам радовался, – Арсений не обиделся. – В СК мы, конечно, не стали показывать результаты экспертизы, а то начались бы проблемы; но ведь шило в мешке не утаишь, кто-то кому-то что-то сказал по секрету, и уже через неделю весь город на ушах стоял. Кто про оборотней, кто про упырей толкует, да еще и говорят, будто количество жертв к сотне приблизилось. Мы, дескать, правоохранительные органы, реальные цифры скрываем. Эх! Мне было бы смешно следить за ходом народной истерики, если бы я работал, скажем, токарем на заводе или крановщиком. Ну а так как именно нашему отделу поручено вести следственные действия по этим странным смертям, мне грустно. Начальство нагибает к плинтусу, а движения по делу нет.
- Плохо вас нагибают! – глубокомысленно изрек Семеныч.
- Ты еще мне на мозги покапай... – взмолился Арсений. – Я больше двадцати лет в сыске работаю, тебе ли меня учить?
- Эх! – махнул рукой тренер и замолчал.
- А вообще, хоть что-то известно? – Александр снова насел с вопросами, потому как всерьез заинтересовался этим делом.
- Только то, что все смерти проходили под покровом ночи, в безлюдных местах и без свидетелей.
- А отпечатки следов снимали?
- Делали... Да где ж их снимать-то? Город – лужи да асфальт. Грязи нормальной найти нигде нельзя, дождей уже месяц не было, – он перевел дыхание и опрокинул бокал коньяка. – Одна лишь радость, что эту цепочку ни на какого маньяка не списывают. Тогда бы пришлось чопик в одно место заколачивать, чтобы не всунули чего-нибудь.
- А шерсть осталась на одежде? – Свечкин не мог угомониться.
- Осталась, – майор вздрогнул. – Только вопросов добавилось. Шерсть черная, по внешнему виду принадлежит семейству собачьих, как сказал эксперт, только ДНК в ней человеческое. И еще одно в ней... как же он называется? Этот, гормон силы... не меланин... как-то по другому... Короче, эта беда откладывается в волосах, и в той шерсти содержание этого гормона превысило обычный уровень в двадцать раз.
- Ничего себе! Теперь я даже и предположить боюсь, кто их погрыз. Волк с человеческим ДНК?

– Да так и скажи, что оборотень, чего кружишь? – майор в волнении кинул на тарелку кусок мяса. – Думаешь, у меня таких мыслей не было? Только это же не нормально! Я почти четверть века ловлю криминальный элемент всех мастей – от медвежатников до насильников, но это из ряда вон выходящее. Мне еще не хватало оборотней ловить... до пенсии, тогда, вряд ли доживу. Мой дядя охотник, я с ним проконсультировался, показал фотографии. Тот сказал, что волки рвут горло по-другому, попутно обгрызая тело и вырывая куски мяса. Здесь же горло перегрызли аккуратненько, кровь выпили. Выпили так, что даже на асфальте ни капли не осталось. Поэтому среди моих коллег и бытует мнение про упырей. Они ж фильмов насмотрелись, в которых оборотни людей живьем проглатывают...

– Может, их убивали в другом месте, а потом перевозили, запутывая следы?

– Может. Только ни одной зацепки. Ни наличия чистящих веществ от автомобильной химии, ни ворса обивки кресел, ни пятен масла или бензина из багажника. При перевозке трупа одежда заминается на одной стороне тела, здесь же все гладко. Просто подошли и убили. Если бы на тебя напал волк, ты бы сумел защититься?

– Я б сумел. Хотя бы руку успел подставить, защищая горло, – Александр кивнул.

– Вот! И я о том же. Но ничего подобного не было с жертвами. Нападали не со спины, всегда с фронта. И никаких следов борьбы. Понимаешь?

– Понимаю. Сплошная мистика.

– Во-во. Как будто невидимка на них набрасывался. Только последняя жертва была избита перед смертью, но мне кажется, это отдельный эпизод. Ему сломали челюсть и два ребра над печенью.

– Интересно...

– Мы его по пальцам опознали. Погоняло Куст, за неделю до смерти откинулся с зоны, с северов прибыл. Сидел по 131-й, части второй за изнасилование; второй срок по этой статье. Сорок лет, физически сильный мужик. Убили его в субботу вечером на Володарского, нашли в четыре утра под мостом патрульные. Время смерти около одиннадцати.

Майор рассказывал, а в душе Александра шевелились какие-то подозрения. Совпадений было море – улица Володарского находилась в квартале от того места, где он в половине одиннадцатого выкинул пьяного мужика, напавшего с ножом на девушку в троллейбусе. Время, число, место. Помимо этого возраст жертвы, описание травм которые нанес своему противнику Александр, совпадающие с травмами на трупе. Совпадения казались просто невозможными из-за своей правдоподобности. Нужно выведать у опера информацию по трупу, не подставившись самому. Знать о драке в троллейбусе майору не нужно.

– Любопытно! – сказал Свечкин. – Алкоголь в крови присутствовал?

– Ага. Под мухой клиент был, – Арсений кивнул. – Явно, он с кем-то подрался, и так как его кулаки не сбиты, очевидно, он, скорее всего, отхватил. Есть следы падения с небольшой высоты, ссадины и кровоподтеки. Обо что-то тупое и твердое повреждено левое колено. На том месте пыль, поэтому предполагаю, травма произошла в результате столкновения с бордюром или асфальтом. Он упал откуда-то; быть может, его столкнули или скинули...

Александр помнил, как вышвырнутый им из троллейбуса мужик саданулся об бордюр коленом, как раз левой ноги. Еще одно совпадение.

– А есть фотографии тела? Я кое-что понимаю в характере нанесения ударов и последующих травмах, – Свечкин вертел в руке вилку, не подавая признаков заинтересованности. Тон вопроса был будничным.

– Есть, – Арсений встал и, пошатываясь, подошел к дивану, на котором лежала черная папка для документов. Он был пьян, но прекрасно соображал, что говорит и делает. Такие люди не бывают без сознания под действием алкоголя, слишком уж хорошие тормоза. – На! – он кинул на стол пять фотографий.

Когда Свечкин разглядел лицо трупа, у него не осталось сомнений, что это тот самый мужик из троллейбуса.

– Знаешь его? – Арсений заметил, как дрогнула рука с фотографией. Опер – что волк, чутье у него отменное.

– Нет, – Александр моментально справился с эмоциями. – Рана страшная, я просто представил себе тварь, которая имеет такие зубы. Как перекушено.

– Вот именно, перекушено. Не перегрызено, не разорвано, а перекушено, – Арсений кивнул сам себе. – Ты, видимо и в ранах разбираешься?

– Да нет, я пальцем в небо попал, – Свечкин мотнул головой.

– А что о следах ударов скажешь?

– Вот этот след, на печени – от кулака, вот они отметины от костяшек... Челюсть кто-то ногой свернул, даже ссадины от подошвы остались. Остальные отметины – это не следы ударов, они получены при падении, – Свечкин вернул фотографию.

– Эксперт так же сказал. Ты головастый.

– Учили... – отмахнулся Свечкин, и занялся салатом, чтобы поразмыслить об услышанном и увиденном.

Семеныч, до этого задремавший в кресле, проснулся и задал Сене какой-то вопрос, после которого тот переключил свое внимание на тренера. Александр думал о мужике, которого он помял в троллейбусе. По спине прошел озноб, потому как Свечкин верил майору, и склонялся к мистической составляющей дела. Девушка, труп и он сам... Нет, с той девицей явно что-то было не то... Он и сам не понимал, на чем основаны его подозрения, но они были непоколебимы. Мужик обижает девушку, и после этого гибнет при таких невероятных обстоятельствах. Случайности не случайны, как сказал какой-то мудрец. Конечно, это могло быть простым совпадением, но животная свирепость в глазах той девушки и мертвый холод ее рук заставляли задуматься, а вернее почувствовать какую-то злую природу, заключенную в ее образе. Да, именно злую природу ее происхождения, темень души. Такую злобу в глазах Свечкин не видел даже у пленных косовцев, которых они вели в допросную. Кстати, именно там, в бывшей Югославии он впервые столкнулся с мистикой.

Александр служил в составе многонациональной оперативной группировки MNTF-N с кодовым именем Север под командованием Франции, в городе Косовска-Митровица на севере Косово. Это был небольшой город с населением около восьмидесяти тысяч человек, из которых $\frac{1}{4}$ часть были сербы, живущие в северных кварталах, а $\frac{3}{4}$ были албанцами, проживающими на оставшейся территории. Северные кварталы от остального города отделяла река с необычным названием Ибар, и что сербы, что албанцы старались не пересекать эту естественную границу без особой надобности... Беспорядки начались 14 марта 2008-го с того, что сербы захватили здание суда, недовольные приговором двум рабочим, обвиненным в террористической деятельности. Менее чем за сутки волнения охватили весь город, очагами распространившись в кварталах. Силы НАТО подавляли эти волнения трое суток и лишь к утру 18 марта справились с обстановкой. Те трое суток надолго запомнились Александру. Статистика официальных властей была суха и поверхностна: тридцать миротворцев получили ранения, равно как и около ста сербов. Какой ад был в этом городе на самом деле, Свечкин знал как никто другой, и реальные цифры потерь, как военной полиции, так и местного населения были куда выше. Не в том суть. Александр был в патруле ночью с 16-го на 17-е, они как раз охраняли подступы к мосту через Ибар. Были слышны одиночные выстрелы, небо над северными кварталами слабо освещали всполохи далеких пожаров, и в холоде подмерзающего воздуха четко различались любые звуки движения машин. Часа в три утра к Александру подошел капитан Матье. Он разговаривал с польскими миротворцами, расположившимися на албанской стороне моста, и сказал, что у них на людей напала паника, в результате которой четверо солдат ушли с поста, оставив лейтенанта и капрала, и исчезли в городской застройке. Поляки просили пару легионеров для расстановки

сил на позициях, пока из штаба в пригороде не прибудет подкрепление, а посему всего на пару часов капитан Матье им великодушно предоставит Анри Дю Труа и капрала Пери. Уже на месте Александр, он же Анри, хоть и не любивший поляков, но, тем не менее, заинтригованный побегом солдат, любезно расспросил лейтенанта Гженского о причинах такого явления. Тот, немного разомлевший от выпитой сливовицы, которую, скорее всего, пил для успокоения, поведал странную историю. Около одиннадцати вечера они задержали двух албанцев, пытавшихся пересечь Ибар на лодке, и до утра посадили их в подвал дома, где располагалась штаб-квартира польской военной полиции. Подвал само собой никто не посещал, окон он не имел, и дверь, ведущая в него, была одна, спрятана внутри здания. В два часа ночи сержант делал обход, когда заметил конвойного с синим лицом, сидящего на стуле перед дверью в камеру. Он был мертв. Сержант вызвал лейтенанта, чтобы тот удостоверился в кончине подчиненного, и после этого решил проверить, как поживают задержанные. За дверью на полу лежали два точно таких же трупа с синими лицами без видимых повреждений. На шее у каждого, прямо на яремной вене, были две четких раны, судя по всему от зубов. Пока лейтенант осматривал трупы, сержант, не теряя времени, сбегал за дежурившими на посту солдатами и предупредил их о случившемся. Суеверный сержант, заметив раны на шее, сделал определенные выводы, и потому разговор с солдатами у него шел в уже намеченном ключе. Капрал, присутствовавший при этом, рассказывал потом лейтенанту, как белый от ужаса сержант подлетел к соотечественникам с одной лишь фразой, гласившей, что Марека и двух албанцев убил казлак, как в свое время в деревнях Восточной Европы называли упыря. Один поляк отправился проверить эту информацию, и прибежал обратно буквально через минуту. Солдаты по выражению его лица поняли сразу, что сержант не врал, и пустились наутек. Капрал даже не успел ничего сообразить, настолько быстро это все произошло. Анри удалось осмотреть трупы. Он убедился в словах капрала. В подвал ни одно живое существо проникнуть не могло, окон не было, а в вытяжку пролез бы разве что таракан. Только через дверь, но находившийся в соседней комнате сержант, вызвавший панику, ничего не видел до того как наткнулся на труп сослуживца. Как ни крутил Свечкин в голове эту загадку, он так и не нашел нужного ответа. Польский лейтенант пояснил Александру, казлак по их поверьям мог проходить даже через замочную скважину, и только такое объяснение могло пролить свет на разгадку....

– Чего загрустил? – спросил Семеныч, тронув Свечкина за руку.

– Да весело у вас тут... – произнес Александр, вздрогнув от прикосновения. Он сидел молча уже пару минут.

– Ну да, а главное, все это на нас вешают... – Арсений тяжело вздохнул. – Но это еще не все!

– Что, еще и привидения с чертями досаждают? – Свечкин хихикнул. – Или на кикимор с лешими в розыск подают?

– Да ну тебя... – майор чертыхнулся и постучал по столу. – Юморист мне, тоже. Ни леших, ни кикимор, ни ведьм... – добавил он через пару секунд. – Наоборот, чудесные спасения людей. Целая серия. Удивляюсь, что газетчики не связали эти случаи между собой в единую цепочку, и не выдали как феноменальную сенсацию.

Арсений ожидал, что его слова вызовут какой-либо ажиотаж, но ничего подобного не произошло. Семеныч с Александром лишь вяло кивнули и погрузились в свои мысли.

– Это не новость, такое всегда было, – тренер резал хлеб.

– Да? А когда человек с 9-го этажа падает и не разбивается? Только синяки и вывих ноги, – Сеня сделал жест, означающий: «Ну как вам?».

– У меня одноклассник с десятого сорвался, по бельевым веревкам прошуршал, – Свечкин перевел взгляд на Прохоровича. – И ничего, переломом руки и отбитой селезенкой отделался...

– Да? А его кто-то невидимый держал в полете? – опер не сдавался.

– Сеня, тебе бы не в опера, а в батюшки идти. Вместо майора уже бы архимандритом стал, так складно лепишь, – Семеныч почесал шею. – Ха... Ну ты и даешь!

– Чего? – Прохорович стушевался под издевкой Семеныча. – Я про чудо говорю, а вы...

– Может, то наркоман летал? Так их и пуля не берет, – Александр развел руками.

– Только серебряная! – тренер прыснул со смеха. – И кол в сердце...

– Да ну вас... – опер замолк.

– Да ладно, Сеня, мы ж шутим, – Семеныч налил коньяк. – Без обид, что за чудеса?

– Да что... – сухо начал майор – Один, как я уже сказал, выпал из люльки, висевшей на уровне 9-го этажа, когда мыл окна. Страховка не была пристегнута, пролетел почти тридцать метров, куюкнувшись об бетон! И ничего, целехонек. К нему народ подскочил, думали не жилец, а этот за секунду пришел в себя, и на ноги, скачет: «Я живой...». Плакал, бедняга от пережитого. Когда его осматривали врачи, он им все время рассказывал, будто кто-то невидимый и крылатый подхватил его на руки и положил на землю. Потом, видимо, придя в себя и поняв, что за такие признания его могут упрятать в психушку, парень отказался от своих слов.... Но я от себя скажу, люди в состоянии аффекта очень редко говорят неправду. Как вам такая история?

– Ну да! Есть над чем задуматься, – кивнул Александр. – Мой одноклассник падал по бельевым веревкам, и не на бетон, а на землю. Вевки-то его и спасли. А так, если с девятого на бетон без страховки, то даже у кошки шансов не будет.

– Сеня, а ты говорил, чудо не одно было? – Семеныч заинтересовался.

– Не одно, – опер отпил коньяк, чокнувшись перед тем без тоста с тренером. – Вот еще одна история. Трасса М-4 Дон, Крестовый перевал, ночь, дождь, март месяц. У машины, в которой едет семья из четырех человек, лопается одно из колес, водитель не справляется с ситуацией и улетает в откос, четырежды перевернувшись. Машина приземляется на крышу, ее мнет, двери заклинивает. Водитель теряет сознание в тот момент, когда кто-то отрывает дверь...

– Открывает, – поправил Семеныч.

– Да нет, отрывает, вместе с замком и петлями, – майор поднял палец. – Я знаю что говорю. Мужик в тишине, так как все кроме него отключились еще в полете, слышал хлопанье огромных крыльев...

– Дождь же шел! – возразил Александр. – Тем более в такой ситуации мало ли что послышится...

– Ладно. А как тебе это: очнулся мужик в пятнадцати метрах от горящей машины, вся его семья лежала рядом. Жену не спасли, перелом основания черепа со всеми вытекающими. Дети живы, только немного поломаны. МЧС вызвали проезжающие мимо, когда заметили горящий в кустах автомобиль. Саму аварию никто не видел, знаете же, в марте в три утра на перевале движение не очень-то оживленное.

– А мужик не мог сам на автомате выбраться из машины и всех вытащить? Временная амнезия... – Свечкин закурил, получив на это разрешение Семеныча.

– Не мог. Ему перебило ноги... Ты не видел ту машину. Как консервная банка, которую переехал каток. Ты успел забыть, какие склоны на Крестовом? – майора передернуло.

– Помню, – Александр кивнул, вспомнив перевал и бесчисленные памятники на обочинах. – Не зря перевал так назвали.

– Вот и я о том же.

– Это и все чудесные спасения? – тренер пододвинул к себе новую бутылку с коньяком.

– Нет, у меня целая стопка вырезок собрана. За год почти тридцать эпизодов.

– Ого!!! – Свечкин уважительно покачал головой. – И везде хлопанье невидимых крыльев?

– В том-то и дело, что везде, – Арсений развел руками. – Почерк один и тот же. Крановщик слышит голос, приказывающий ему спуститься на землю, хлопанье крыльев. Само собой он скован страхом и не в силах противиться приказу. Спускается, кран падает. Как потом оказалось, под одной из опор был старый подвал, закрытый землей. Опора проваливается, чудом все живы.

– Да... – тренер многозначительно протянул это слово.

– Еще одно. Пожар, крыша, пожарный становится на край кирпичной стены, чтобы спрыгнуть на шифер, а по нему перебраться к смотровому окошку. Но не тут-то было, обе его ноги словно врастают в кирпичную кладку, он не в силах их оторвать. Взрыв, крыша рушится, и самое интересное, пожарника даже не цепляет взрывной волной. Как он потом признался товарищу, в зареве пламени было крылатое существо, закрывшее собой пожарного от осколков шифера. У спасенного даже одежда не загорелась, не говоря уже о том, что его не посекло осколками. Не чудо ли? Все эпизоды один другого удивительнее.

– А откуда это у тебя? – Семеныч кивнул на вырезки.

– Ты же знаешь, у меня есть любовница...

– Я понял, – он кивнул. – Я и забыл, что Регина доктор и по своим каналам могла легко узнать о чудесах. Она подогнала информацию?

– Ну да. Она считает меня скептиком и специально собирала все это, дабы я поверил в чудеса и высшие силы...

– И как? – тренер улыбнулся.

– Поверил. Не поверишь тут... – Арсений отвел глаза.

– Молодец, баба. Я от тебя этого уже лет пятнадцать добиваюсь, – Семеныч ухмыльнулся. – Крещение не хочешь принять наконец-то? Хватит уже нехристью ходить. А я-то думаю, напился Сеня, раз про оборотней загонять начал.

– Да в норме я, Семеныч! – майор приосанился. – А ты сразу пьяный, пьяный... Да, думаю покреститься, – честно признался он, – но пока только думаю.

– Понятно, – тренер махнул рукой, мол, тебя не исправишь.

Посиделки затянулись до самого вечера, и только в восьмом часу после полудня Арсений соизволил покинуть гостеприимный дом. Семеныч при помощи Александра убрал со стола остатки еды, и они сели друг напротив друга в кресла, согревая в руках по чашке кофе. Молчаливое созерцание друг друга первым нарушил Свечкин. У него уже давно вертелся на языке вопрос.

– Семеныч, сколько тебе лет? Я, если честно, очень боялся, вернувшись сюда уже тебя не встретить.

– Семьдесят пять мне. А ты изменился, Саша. Повзрослел – то понятно, но и каким-то более живым стал.

– По поведению? – не понял Свечкин.

– Нет. Лицо нервное, эмоциональное, быстрое, что ли. Правильно говорят, наша жизнь отпечатки накладывает на внешности.

– А ты стал философом. Семьдесят пять. Мне казалось, больше. Наверное, потому, что я совсем пацаном был.

– Наверное. Где остановился?

– В гостинице. Сунулся в отчий дом, а дядя там уже не живет. Наверное, с отцом теперь...

– Свечкин вздохнул. – Иногда даже жалею, что не пью. Может, легче бы стало? Хотя, как вспомню, что водка с людьми делает, так желание выпить пропадает сразу.

– И не пей, Саша. Я видел, как хорошие бойцы на стакан садились. Лучше совсем не родиться, чем обгаженным в подворотне лежать. Дядя твой пропал без вести. Через три года после твоего отъезда. Говорят, он квартиру на водку променял, на десять ящиков, что ли? В

общем, его видели потом на районе пару раз в течение месяца, а потом зима. Может, замерз, а может и жив сейчас, да только возвращаться некуда.

– Все возможно. Вот страна у нас! Я же владелец квартиры получается, и дядя никак не мог ее продать без моего согласия...

– Если ты жив...

– Чего?

– Если ты жив, говорю, – Семеныч сказал громче. – Одно моего знакомого родные дети так подкололи, как чужого дядю не опрокидывают. Для начала, сбивает человека машина, темный переулок, никого в свидетелях. Думают, насмерть, зачем-то отвозят на кладбище, и там выкидывают. Человек приходит в себя, документов и сотового с собой нет, травма головного мозга, амнезия. Поменяв десяток казенных учреждений, он оказывается в специализированной лечебнице, где ему восстанавливают память. Так проходит почти два года. В конце концов, когда он вспомнил свое имя, и через какой-то благотворительный фонд связался с детьми, оказалось, ребятишки родного отца уже успели похоронить, а квартиру продать. Даже место на кладбище было с его фотографией. Если бы не телевизионщики с общественностью, так и остался бы он на улице. Черные риэлторы, по-моему, так их называют, постарались.

– Понятно, значит и я уже несколько лет чист перед государством. Слушай, а можешь Арсения попросить пробить меня через их базу?

– Уже. Твоя могила где-то под Ханкалой.

– Но мне же дали документы на выезд!

– Значит, свидетельство о смерти делали задним числом, когда твой дядя продавал квартиру.

– Неужели никто не нашел данных, что Александр Свечкин покинул пределы РФ в 2001-м?

– Россия, – развел руками Семеныч. – Чего хочешь? Да и кому искать? Дядя знал, где ты, а я поверил базе данных МВД. Вот и все. Кто-то оценил твою двушку в центре города, задаром купил ее у дяди-алкоголика, дал кому-то на лапу пару тысяч евро за неточную запись в базу данных, может, еще кого подмазал, потом сделал ремонт и продал втридорога. Вот и все. Это рутина для таких мошенников.

– Ну да. Что ж, я доказывать ничего не буду, это даже удобнее. Все равно я простился со старой жизнью.

– Что делать будешь? – Семеныч отставил чашку с кофе.

– Смотри, какая беда. Есть деньги, я хочу купить здесь квартиру или дом. Купить без паспорта я не могу, соответственно нужны документы.

– А паспорт не дают без прописки. Так?

– Так. Замкнутый круг какой-то. Я хочу открыть свой бизнес, еще только не решил что именно. Ну а без документов это невозможно.

– Возможно. Все возможно, – Семеныч хитро ухмыльнулся. – Ты же знаешь, что братство спортсменов значит? Знаешь. А учеников у меня... ой-ёй-ёй, – он значительно покачал головой.

Миновав широкие ступени крыльца, Александр вошел в дверь красного дерева, выводящую в обширный холл. Охрана уже объявила о приходе гостя, и Игорь Борисович, которому Семеныч рекомендовал Свечкина, встречал гостя стоя в широком домашнем халате. Мокрые седые волосы, зачесанные назад строгим пробором, указывали, что хозяина дома, скорее всего, вытащила из бассейна или сауны, где он коротал время. Это был высокий мужчина крепкого телосложения, не смотря на свои годы достаточно подтянутый и молодо выглядевший. На вид ему было около пятидесяти, хотя Александр знал, Игорь Борисовичу уже далеко за шестьдесят.

Проницательные карие глаза, жесткое волевое лицо и осторожность во взгляде выдавали незаурядную личность. Первым нарушил молчание хозяин дома.

– Здравствуйте, ваше имя Александр, если не ошибаюсь?

– Здравствуйте, Игорь Борисович. Вы не ошиблись. Хотя охрана, несомненно, вам продиктовала другое имя.

– Да, Анри дю Труа, если мне память не изменяет. Ярослав Семенович мне рассказал о вашей проблеме с восстановлением паспортных данных. Это все решаемо. Но вы бы хотели не восстановить старое имя, как я понял, а получить новое?

– Жить в России с французским именем трудновато, а Александр Свечкин уже умер. Так что, если возможно.

– Все возможно. Максимум через неделю паспорт будет готов.

– А возможно ли точно так же сделать и водительские права? Озвучьте цену...

– Молодой человек, этот вопрос я решаю бесплатно, и не надо больше о деньгах. Меня корбит общение в таком духе.

– Прошу простить меня, я уже отвык от России, – Свечкин ожидал, что сейчас будут вопросы личного характера, но он ошибся. Игорь Борисович не был любопытным человеком, и все что не касалось лично его дел, он считал лишней информацией.

– Ярослав Семенович рекомендовал вас как человека, который помимо незаурядного ума обладает еще и навыками идеального ликвидатора проблем.

– Он так сказал? – Александр изумился.

– Скажем так, я спрашивал, нет ли у него знакомого человека, который имеет нестандартный подход к вопросам, вкупе с боевым прошлым. Он перезвонил мне вчера, и указал на вас. Его слова были таковы: есть очень смысленный неразговорчивый парень, которого учили решать проблемы любого характера. Если это правда, вы мне подходите.

– Это так. И как я понимаю, речь явно не о том, чтобы кого-то ликвидировать, – Свечкин сказал фразу без тени иронии, и для Игоря Борисовича этого было достаточно, чтобы сделать правильные выводы о госте.

– На чем основывается такое умозаключение?

– Я думаю, для решения подобной проблемы, вы не стали бы привлекать человека со стороны, так как велик риск, что он расскажет кому-то о своей работе.

– Вы правы. Конечно же, не устранение конкурентов. Среди моей охраны есть люди для решения силовых вопросов. Но ума им недостает. Это хорошие солдаты, я же вас попрошу о творческой работе, – он замолчал, чтобы позвонить в колокольчик и отдать приказ накрыть на стол. – Вы голодны?

– Нет, спасибо, не голоден. Но от кофе не откажусь.

– Тем лучше. Удобнее будет общаться.

Игорь Борисович хранил молчание все время, пока накрывали на стол, и лишь отпустив прислугу и приказав не беспокоить ни под каким предлогом, он нарушил паузу в разговоре.

– Теперь нам никто не мешает, – он взял в руки кофе. – Это бразильский, настоящий. Мой повар готовит его по всем правилам на песке.

– Я оценил, – Александр кивнул. – Хорош. Так в чем суть дела? Вы меня заинтриговали, если честно.

– Дело деликатное, никому из своего окружения я его поручить не могу. Само собой и от вас потребую молчания, гробового молчания. Я не думаю вам угрожать, но...

– Перестаньте, меня еще в детстве отучили бояться. Семеныч правильно сказал, я умею молчать.

– Отлично. Эм-м... молодой человек, вы верите в случайности?

– Случайности не случайны, – Александр прищурил глаза. – Говорят, это псевдоним Бога, когда он не хочет своим настоящим именем подписываться.

– Не так я начал. Вы верите во что-то невозможное, в сверхъестественное? – Игорь Борисович явно терялся, и не мог придумать, как изложить суть проблемы.

– Верю. Сталкивался, – Александр решил помочь. – Вы можете смело говорить, я не собираюсь ставить ваши слова под сомнение.

– Это долгая история... Ладно, начну сначала и постараюсь быть краток, – он потер переносицу, и внимательно смерив взглядом Александра, выпалил: – Я любил за всю жизнь только раз, одну девушку, которую видел всего лишь однажды!

Свечкин подавился кофе, настолько неожиданным было признание этого строгого и казалось непробиваемого человека. Если бы тот сказал, что видел вампира или же пил водку с лучшим, Александр удивился бы куда меньше. Но Свечкин промолчал, и лишь его расширенные глаза выдавали заинтересованность и любопытство.

– Вы чем-то удивлены? – спросил Игорь Борисович.

– Только неожиданностью фразы. Вы подготавливаете меня услышать нечто сверхъестественное, а говорите о любви... – Александр отставил чашку.

– Любовь всегда сверхъестественна. Это было вступление. Вы дальше поймете, о чем я веду речь. Итак, эту девушку звали Марья, и видел я ее только раз за всю жизнь. Закончив институт по профилю геодезии, я был направлен в Среднюю Азию для разработки недавно найденных залежей полезных ископаемых. Я ехал в поезде в город Бишкек, столицу Киргизской ССР, чтобы дальше, через Балыкчи попасть в Иссык-кульскую область. Советская власть в те годы активно искала полезные ископаемые, в частности залежи руд драгоценных металлов, но только в 78-м открыли месторождение Кумтор, крупнейшее месторождение золотосодержащих руд в Киргизии... Я что-то далеко в дебри забрался, – опомнился хозяин дома. – В старости нам только и остаются воспоминания. Вы никогда не ездили в поездах того времени, и в этом ваше счастье. Сейчас тоже в большинстве поездов нет кондиционеров, такое же плохое обслуживание, и остановки не там где надо, но чего не отнять у российских железных дорог – так это компания. Вы когда-нибудь ездили в плацкарте?

– Конечно. Не часто, но приходилось, – Александр понял, что рассказ затянется надолго, но не возражал. Ему всегда было интересно узнавать чужие судьбы.

– Плацкарт в Азии, это что-то вроде базара, публика та же, только никто ничего не продает. Кто-то с детьми, кто-то с неподъемными тюками. Одним словом, табор. Я всегда попадал в такие вагоны, где было мало места даже посидеть, не то что поспать, но в тот раз не было никого. Вообще никого, даже проводница забывала приходить, и я искал ее, чтобы попросить чай. Мне было одиноко, вы даже не поверите как.

– Можете со мной на ты, мне даже проще будет от этого, – Свечкин начал увлекаться рассказом.

– Хорошо. Сам предложил, – Игорь Борисович кивнул. – Так вот, я страдал от одиночества, мне казалось, весь мир вымер. Я пил водку, играл на гитаре. В общем, я ехал в унынии, наверное, весь день. Я незаметно уснул, а когда проснулся, был уже вечер. Солнце давно село, и настроение стало только хуже. И ты не поверишь, когда отчаяние достигло своего пика, на каком-то полустанке в вагон зашла она. Прошло уже сорок лет, но я помню все как сейчас. Высокая, стройная, с гривой пышных черных волос, и необычайно красивая. Сама грация и соблазн. В тот момент, когда она села недалеко от меня, мне показалось, что время остановило свой бег, и вселенная дышит вместе с нами. Девушка улыбнулась, заметив, как я на нее смотрю.

– Игорь Борисович, извините, что отвлекаю, – раздался за их спинами голос охранника, – Вероника Дмитриевна не может до вас дозвониться...

– Я сказал, чтобы меня не беспокоили, – тон стал стальным, глаза похолодели и заиграли сдерживаемой яростью. – Вам что-то неясно?!

– Никак нет! – вытянулся по струнке охранник. – Разрешите идти?

– Идите.

Свечкин поразился, как за доли секунды поменялся человек, сидящий перед ним. Разгон от стареющего романтика до хозяина жизни был впечатляющим, даже для много чего повидавшего Александра.

– На чем я?.. – сам себе задал вопрос Игорь Борисович, когда охранник исчез за поворотом коридора. Его глаза устало прищурились, и из них исчез весь сдерживаемый огонь. Перед Свечкиным снова оказался стареющий романтик, травящий байки о своей молодости. – Ах, да. Она улыбнулась. Я понимаю, почему. Я был хорош собой, можешь мне поверить. Всю молодость в спорте, подтянутый, стильно одетый парень из столицы, я знал, что нравлюсь женскому полу. В принципе, с тех пор мало что поменялось. Сейчас у меня баб не меньше, но я теперь богат, а тогда это было чистосердечно, жаростно и не наиграно. Это было чудесно.

Он снова ушел в себя. Свечкин подумал, что хозяин дорогого коттеджа, скорее всего даже рад поговорить о чем-то личном с малознакомым человеком, так как никогда не позволит себе подобного со своими подчиненными, ну а друзей с годами у богатых людей не остается.

– Она улыбнулась, я подошел и представился. Она сказала, ее зовут Марья. Я спросил, что такая красивая девушка может делать в таком богом забытом месте, а она рассмеялась, сказав, мол, я еще не видел по-настоящему глухих мест, но так и не ответила прямо. Тогда я выдвинул теорию, что она едет в гости к мужу или парню, который трудится геологом. В общем, нес обычную чушь, чтобы узнать ее поближе. Даже не так. Я боялся замолчать, дабы не спугнуть это мгновение, не дать ей подумать о чем-то ином, кроме меня и чарующего вечера, чтобы она не выскользнула из этих пленяющих сетей приоткрывания незнакомой человеческой души. Мне бы романы писать, – он иронично усмехнулся, посмотрев на Александра. – Я такой только когда говорю о ней. Или вспоминаю. Если тебе кто-либо скажет, что настоящие чувства стареют и со временем исчезают – знай, это только наполовину правда, или же наполовину ложь. Называй это как тебе удобнее. Чувства убиваются и слабеют под действием семейного быта, тогда, когда больше не нужно пытаться удержать или завоевать человека. Когда ты знаешь, что от тебя никуда не денутся, испытываешь радость, но уходит весь азарт. Ты охотник?

– Нет. Но знаю, о чем вы говорите. И понятие азарта, и последующее за ним охлаждение к добыче.

– Для человека безумная любовь заканчивается там, где наступает будничность отношений. Это как охота на редкого зверя – засады, ловушки, бессонные ночи и вечерние костры на привале. А потом зверь загнан, заперт в клетку, и он теряет тот внешний лоск, тот огонь в глазах, который дарит свобода. И все. Редкий экземпляр остался таким же редким, но он уже твой и никуда не денется.

– То есть любовь – это дорогой антикварный столик, с которого в первый день смахиваешь пыль и боишься к нему прикоснуться потными руками, а через пару лет, привыкнув, ставишь на него горячую чашку с кофе и пепельницу.

– Bravo. Ты умен и обладаешь широким кругозором. Еще один плюс к твоему резюме. А если тот зверь убежал, и ты знаешь, что больше никогда его не увидишь? Что если антикварный столик, на который ты копил, быть может, год, проверяя каждый день, на витрине ли он, и никуда от тебя не делся, увели у тебя прямо из-под носа? Что тогда?

– Отчаяние?

– Отчаяние. И не только. Проще говоря, ни зверя, ни столик из памяти не сотрешь, и ты будешь горевать, что так и не получил желаемое вплоть до последнего вздоха. Человеческая натура. Об этом еще Ремарк писал, мол, не убивайте любовь серостью будней. Все старо как мир.

Александр показалось, Игорь Борисович окончательно потерял нить разговора, но он ошибся. Хозяин дома продолжил после некоторого перерыва.

– На скрытый вопрос о том, к кому она едет, она не ответила прямо, равно как и на каждый из предыдущих или последующих вопросов. Эта девушка была сама загадка, и я кожей

ощущал ее превосходство над собой. Превосходство во всем. Это как прием у английской королевы. Держишь себя в рамках приличий, не позволяя даже в мыслях закрасться чему-то крамольному, и всецело подавлен авторитетом, не озвученным но общепризнанным. Она меняла темы при любых личных вопросах, либо же хранила молчание. Я сразу понял, что ни о чем таком она общаться не любит и не хочет, не попадая под обычный для смертных синдром попутчика. В общем, уткнувшись в непреодолимую стену тайны и замалчивания, я оставил попытки что-либо узнать о ней.

– А вам не было любопытно? – не удержался от вопроса Александр. – Обычно тайна даже у выдавших виды людей вызывает интерес.

– Было. Я испугался ее спугнуть навязчивостью. Тем более, она с легкостью общалась на любые отвлеченные темы. Мы долго разговаривали. Обо всем. Она начитана, знает историю, как будто родилась с энциклопедией в голове, тонкий психолог и плюс к этому очень ироничный человек. Настолько живой и острый юмор как у нее, я встречал всего пару раз в жизни. И, в конце концов, стало неважно, что она скрывала от меня, я был поглощен ей, очарован. Меня как будто приворотным зельем опоили. Хотя, конечно же, все это было подогрето спиртным. Я пил водку, понемножку, под закуску, но все равно крепкий алкоголь давал о себе знать. Она не пила. Долгий разговор, пролетевший в одно мгновение, закончился по моей глупости. Я опять задал какой-то вопрос, не помню уже какой именно, прямо в лоб, неожиданно. Видимо, я был слишком уж нагл. Трудно сохранить чувство такта, когда ты пил весь вечер. В общем, она после этого вопроса резко погасила улыбку, и в ее глазах мелькнуло что-то такое, что просто пригвоздило меня к месту. Злость... нет, даже скорее свирепость. Это было как вспышка, неожиданная и резкая, напугавшая меня, не смотря на то, что я всегда был в себе уверен и ничего не боялся. Я замолк, и, видимо, эта пауза окончательно спутала мои мысли. Она смотрела на меня несколько секунд, а потом отвернулась к окну. Я понял, не смотря на все тепло предыдущего диалога, от нее не веет ничем кроме холода, и несколько часов, проведенных за общением, не приблизили меня к ней ни на йоту. Как если бы я спросил, который час, она мне ответила, и на этом все оборвалось. Я налил полстакана водки и залпом выпил. Она не смерила меня и взглядом. Я потерял ее. Это было ощутимо почти физически. Это было, как... будто ты пьешь вино, греясь у камина, и неожиданно приходишь в себя в сыром холодном подвале, в котором камин нарисован на стене. Да, именно так. В точку.

– И все? Она больше не взглянула на вас? – при всех предыдущих словах Игоря Борисовича интуиция Александра молчала, но стоило хозяину дома рассказать о резкой перемене настроения у девушки, о вспышке ярости, как Свечкина словно ушатом воды обдали. Имя Марья, внешность и манеры описываемой в рассказе девушки, как две капли воды совпадали с манерами снежной королевы из троллейбуса, которую не далее как пару вечеров до того Александр спас от приставаний пьяного субъекта. «Но это невозможно!», – пронеслось в голове Свечкина, – «Сорок лет назад и сейчас... Одно и то же лицо? Ну, уж нет. Бредовые мысли. Двойники не так уж и редки».

– Взглянула. Я нашел выход из положения, сам того не подозревая. Поняв, что девушка не идет на контакт и не хочет больше со мной разговаривать, я тоже отвернулся от нее, взял свою гитару и запел какой-то старый романс о любви. У меня абсолютный слух и хорошо поставленный голос, спасибо любовнику моей тети, он был преподавателем в консерватории, и не пожалел времени чтобы со мной заниматься. Если бы не свой бизнес, я бы мог хорошо зарабатывать на жизнь вокалом. Ладно, я не о том начал. Так вот, я запел. Сначала одну песню, потом другую и так далее. А потом я прервался и взглянул на нее. Оказалось, она заслушалась, как я пою, и от былой злости не осталось и следа. А потом как-то все само собой вышло... в общем, я, проснувшись на утро, ее не застал. Проводница ничего не видела, ни когда девушка села, ни когда вышла. В принципе, эта старая лошадь пила как гусар и после полудня даже не выходила из своей каморки, так что ничего сверхъестественного в амнезии не было. Это была наша един-

ственная встреча, и единственная ночь вместе, – Игорь Борисович глубоко задумался, загрустив. – Но самое интересное началось позже, – добавил он после некоторой паузы. – После встречи с этой девушкой мои дела резко пошли в гору, как по мановению волшебной палочки. Случай свел меня с важными людьми из партии, случай позволил перед ними отличиться, случай помог стать им нужным. Когда я стал им нужным, у меня появились и деньги и хорошая работа. К перестройке я имел достаточно запасов в сундуках, и смог открыть свое первое дело. И так далее. Вся жизнь мне был фарт, я даже не знаю, как описать, так, чтобы это было точнее. Во всем. От бизнеса до здоровья я не знал проблем, по сей момент своей жизни, все, чего я не захочу, у меня сбывается и получается. Я не хвальнось. Меня это только поначалу радовало, а теперь меня это настораживает, и в свете последних событий особенно сильно. Случилось вот что. Я снова увидел ее, меньше недели назад.

Он сделал на этой фразе паузу, высматривая реакцию Александра, но тот нисколько не удивился такому повороту событий, так как ожидал подобного. Он ведь и сам видел эту девушку, только ни за что не признается в этом Игорю Борисовичу. Чтобы не вызвать лишних подозрений, Свечкин все же показал некое удивление, и обронил фразу.

– Может, это была внучка той девушки? Внешность передается по крови не так уж и редко.

– Все может быть. Вот потому-то ты мне и нужен. Чтобы пролить на все это свет. Лично у меня ощущение, что... я не знаю, самому смешно. Эм-м... Как бы... В общем, что я той ночью подписал какой-то договор с... не знаю, с кем. С дьяволом, что ли? То есть после той ночи я как магнит притягиваю к себе удачу. Мне от этого хорошо, но ведь я-то знаю, все на этой земле, да и за ее пределами имеет свою цену. И если я сейчас снимаю сливки, то настанет момент, когда мне за все придется заплатить по вексялям. Не иначе как. А так как с каждым днем я все ближе к порогу вечности, мысли об этом приходят все чаще и чаще. Я получил все, чего хотел, и плата будет огромна. А тут еще встреча. Я боюсь, можешь мне поверить. Я действительно боюсь. Даже сильнее чем люблю Марию. И мне нужно знать, кто она такая. Ты мне сможешь помочь?

– Я сделаю для этого все, что от меня зависит. Буду прям. Ваша помощь с документами очень много для меня значит. Я не знаю, чего вам это стоит, быть может, всего трех минут разговора с кем-то наедине, но главное, вы не отказали. А теперь вы не могли бы рассказать подробности встречи? Место, день, время?

– Да, конечно, – он задумался. – Кафе Аллегро на Северной знаешь?

– Я найду, где это, – Александр кивнул.

– Хорошо. Так, день, – он что-то прокрутил в своей голове, и после секундной паузы вызвал охранника пультом. Тот появился через мгновение.

– Глеб, в какой день делали мой Ровер?

– В субботу, Игорь Борисович, – он ответил не задумываясь.

– Спасибо. Иди, – проводив охранника взглядом, он повернулся к Свечкину. – Ты слышал. В субботу, около десяти часов вечера. У меня была встреча в том кафе, я зашел, и за третьим столиком от двери увидел Марию. Она пила кофе с корицей, и слушала музыку. Одна. Я сразу ее узнал, – он погрузился в себя.

– Вы с ней общались? – Александр прервал поток мыслей хозяина дома.

– Что? А, да. Общался, – по его губам змеей скользнула горькая ухмылка. – Я подошел, не зная даже что сказать, а она холодно смотрела сквозь меня, словно я был прозрачный. Я что-то промямлил, какой-то бред, одним словом. Она сказала лишь: «Говорите четче». Я сказал: «Марья, это ты?». Она улыбнулась, как-то коварно, что ли? Одними уголками губ. Редко встречаешь, когда при улыбке глаза нисколько не теплеют. «Внучку потеряли?». Да, она сказала именно так. Меня как водой окатили. Два слова, но они словно гвозди в крышке гроба. И я вдруг почувствовал себя настолько старым, подавленным, убитым, насколько до этого чув-

ствовал себя окрыленным и счастливым. Я извинился и отошел. Больше желания с ней разговаривать у меня не было. Я на самом деле поверил, что обознался... – он, словно бы и не видел Александра, обращаясь сам к себе. Свечкин, по сути, был для Игоря Борисовича пустым местом, и того мало волновало, что наемник теперь знает нечто слишком личное. Точно так же, без каких-либо стеснений мы рассказываем свои тяготы врачу, священнику или случайному попутчику. Не проблема, ведь нам потом не придется смотреть этому человеку в глаза и вспоминать – ага, он знает про нас лишнее и слишком личное. Никакого раскаяния. Свечкин тоже лишь инструмент, без души и без изъяна. Его работа молчать, слушать и выполнять. Тем более, он сам себя обозначил как малоразговорчивого субъекта. А Игорю Борисовичу было просто необходимо выговориться. Душевная боль для некоторых людей – как камни в карманах, и поделившись такими камнями с ближними, они тем самым потихоньку облегчают свою ношу. Тому камень, тому, и еще вон тому, вроде крепкий, выдержит... а к вечеру, глядишь, и карман пуст. И волноваться не о чем. Он продолжил: – Только через какое-то время, когда она вышла, я понял, что мне не давало покоя. Родинка. Круглая заметная родинка над губой. Будь она хоть трижды внучка той Марьи, но такое совпадение невозможно.

– Это точно, – Свечкин говорил с придыханием, вспомнив снежную королеву из троллейбуса, у которой помимо всего прочего была и родинка, над губой, круглая, и как правильно выразился Игорь Борисович, заметная.

– Значит, и ты со мной согласен, – хозяин дома кивнул. – Вот и все что я знаю. О той поездке знают теперь лишь двое, я и ты. Ну, и еще сама Марья, конечно. Я много думал и пришел к выводу, ни одна из моих догадок в отношении девушки не имеет под собой почвы. Я знаю, что не знаю ровно ничего. Помогите мне расставить все на свои места. Я хочу найти ее. Вот мой личный номер телефона, по любым вопросам звони на него. Помогу тебе любыми средствами, если возникнут трудности в поисках. Только найдите ее мне.

– Я понял, – Свечкин встал.

– Удачи в делах.

– Спасибо.

3. Леля

В пятницу утром, в день, когда повсеместно властвует судьба, как верили наши предки, Александр входил в автосалон Шкоды. В четверг вечером домой к Семенычу доставили новенькие документы Александра. Теперь у него было уже третье по счету имя, Александр Семенов, и он надеялся сохранить его до конца жизни. Александр вместе с паспортом получил и водительское удостоверение, пенсионное страховое свидетельство, трудовую книжку, военный билет, медицинский страховой полис и свидетельство ИНН. Документы, скорее всего, сделали через одного человека, потому как разные люди обычно управляются в разные сроки. Все документы, несомненно, были настоящими, что заставляло задуматься, кем был по своему общественному положению Игорь Борисович, благодаря связям которого всего за три дня сделали пакет документов, необходимый цивилизованному гражданину Российской Федерации. Свечкин, не тратя время даром, искусственно состарил паспорт, прибегнув к помощи графита, воды, утюга и слабого раствора кофе. В принципе, паспорт выглядел сносно затасканным, что более соответствовало дате его выдачи десять лет назад. Права были свежими. Трудовую книжку и военный билет искусственно старить Свечкин (буду его величать так по-прежнему, для удобства), не стал, эти документы с собой повседневно никто не носит, и даже через двадцать лет после выдачи они могут быть как новые. Александр внимательно все рассмотрел и пришел к выводу, – докопаться не до чего. Как сказал принесший документы человек, при детальной проверке, скажем, органов Госбезопасности, несомненно, станет известно, что Александр живет под чужим именем, но при обычных проверках работодателей, банковских служб собственной безопасности или сотрудников министерства МВД никаких ошибок найдено не будет. И Свечкин верил сказанному, без связей в тех же самых органах, такой пакет документов никогда не сделать, не то что за три дня, а даже за три года. Кто-нибудь другой, несомненно, усомнился бы в возможности повернуть такое, но Александр знал примеры, когда люди жили под чужими именами, имея на руках документы на это имя в странах, где сотворить подобное куда сложнее, чем в России. Для этого брали судьбу какого-нибудь подходящего по возрасту одинокого человека, безвременно ушедшего в мир иной, использовали его имя и продолжали жить вместо него. Зачем придумывать прошлое, когда можно просто «забыть», что человек покинул этот суетный мир и наконец-таки счастлив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.